

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

Евгеній Бѣловъ

**ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ КЪ ИСТОРИИ ЦАРЯ ІОАННА
ВАСИЛЬЕВИЧА ГРОЗНАГО**

1891 г.

2008 г.

ХРОНОС

Электронное издание подготовили
Вячеслав Румянцев и Александр Тюрин

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ КЪ ИСТОРИИ ЦАРЯ ІОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА ГРОЗНАГО.

Основные источники для истории этого царя.—Сказанія князя А. Курбскаго и Синодѣки.

Предлагая публикѣ эти замѣчанія, я буду доволенъ, если мнѣ удастся подготовить почву для объективной и безпристрастной исторіи царствованія, обвиняющаго половину XVI вѣка (1533—1584) и обильнаго многосторонними событіями. Центромъ событій царствованія Грознаго служитъ борьба его съ княжатами отъ племени св. Владиміра и съ боярами; поэтому у всѣхъ историковъ, писавшихъ о времени Грознаго, эта борьба стоитъ на первомъ планѣ, хотя ее и разсматривали съ разныхъ точекъ зрѣнія. Безъ выясненія смысла и условий этой борьбы не мыслимо пониманіе не только исторіи Грознаго, но и всей предыдущей и послѣдующей исторіи Россіи. Выясненіе же это не такъ просто и односложно, какъ кажется. И княжата отъ племени св. Владиміра, и потомки бояръ дружинныхъ имѣли какъ общіе, такъ и частные интересы; послѣдніе, конечно, ослабляли тѣхъ и другихъ. Кромѣ того, въ средѣ княжатъ отъ племени св. Владиміра получила первенствующее значеніе фамилія князей Шуйскихъ съ своими спеціально фамиліными интересами, съ своими притязаніями по родовому старшинству. Родъ Калиты происходилъ, какъ извѣстно, отъ младшаго сына Александра Невскаго, отъ Даніила Александровича, никогда не бывшаго великимъ княземъ, а родъ Шуйскихъ отъ великаго князя Андрея Александровича, старшаго сына Александра Невскаго. Въ вѣкъ родословныхъ счетовъ такая генеалогія Шуйскихъ давала законное право на оспариваніе старшинства дома Калиты. Всѣ княжата и всѣ бояре XVI вѣка, сплотившіеся около Шуй-

скихъ въ борьбѣ съ Грознымъ, могли считать себя по чистой совѣсти легитимистами; между Шуйскими и домомъ Калиты въ XVI вѣкѣ существовали до нѣкоторой степени такія же отношенія, какія во Франціи въ XIX вѣкѣ существовали между Бурбонами и Орлеанами. Съ той же точки зрѣнія на Шуйскихъ, какъ на старѣйшихъ князей русской земли, смотрѣли и новгородцы, которые сверхъ того имѣли традиціонныя связи съ потомствомъ великаго князя Андрея Александровича. Великій князь Андрей Александровичъ защищалъ Новгородъ противъ Димитрія Переяславскаго, его потомки великіе князья Константинъ и Димитрій Суздальскіе были друзьями новгородцевъ; послѣднимъ защитникомъ независимости Новгорода былъ князь Шуйскій, потомокъ князей суздальскихъ. Но и послѣ паденія Новгорода новгородцы не прерывали связи съ Шуйскими, какъ показываютъ событія царствованія Грознаго. Шуйскіе также не забыли своихъ притязаній, какъ видно изъ грамоты (манifesta) царя Василія Іоанновича Шуйскаго. Между княжатами отъ племени св. Владиміра было много приверженцевъ Шуйскихъ изъ ненависти къ роду Калиты, который Курбскій называетъ издревле кровопійственнымъ родомъ; по другимъ побужденіямъ, но и многіе боярскіе роды примкнули къ сторонникамъ Шуйскихъ. Такимъ образомъ, къ событіямъ русской исторіи XVI вѣка не только нельзя примѣнять взглядовъ и понятій настоящаго времени, но напротивъ, чтобы понять эти событія, должно совершенно отказаться отъ взглядовъ на государственныя отношенія нашего времени. Быть можетъ, будущій историкъ назоветъ столкновенія Грознаго съ княжатами отъ племени св. Владиміра — послѣднею усобицею въ потомствѣ просвѣтителя русской земли ¹⁾.

¹⁾ Очень жаль, что въ новыхъ учебникахъ русской исторіи, ни у Соловьева, ни у Иловайскаго, не указаны князья потомства св. Владиміра, что сдѣлано даже Устряловымъ. Вслѣдствіе этого въ массѣ нашей публики князья пожалованные смѣшиваются съ старинными прирожденными княжескими родами, отчего происходитъ полное непониманіе нашей древней исторіи. Мы, конечно, говоримъ о такъ называемой образованной публикѣ, а не объ ученыхъ. Должно отдать справедливость Устрялову, что онъ, говоря въ своей двухтомной Русской исторіи о прекращеніи дома Калиты, и выражается точнѣе: „смертью Феодора не всѣ отрасли св. Владиміра угасли“, и въ примѣчаніи приводитъ княжескія фамиліи изъ дома св. Владиміра (см. его Р. И., т. I, изд. пятое, стр. 252 и 253). Тутъ же у него и объясненіе, что самая многочисленность этихъ родовъ дѣлала невозможнымъ ихъ утвержденіе на русскомъ престолѣ. Жаль, что Устряловъ при этомъ не упомянулъ о быстромъ паденіи фамиліи Шуйскихъ, которое служить яснѣйшимъ тому доказательствомъ. Рядомъ съ князьями отъ племени св. Владиміра стояли такіе же

Іоаннъ Васильевичъ, какъ увидимъ, имѣлъ нѣкоторыя основанія опасаться за прочность своего дома на московскомъ престолѣ; онъ видѣлъ, что многіе и древне-боярскіе роды Москвы, какъ, напримѣръ, Шереметевы, сближались съ Шуйскими. Не могло его не беспокоить и то обстоятельство, что многіе монастыри, въ предѣлахъ бывшей Новгородской республики, склонялись на сторону бояръ. Если вопросъ о столкновеніи съ боярствомъ, о чемъ такъ много писали, не выясненъ до сихъ поръ вполне, то что сказать о другихъ сторонахъ царствованія Іоанна? Напримѣръ, о вопросѣ касательно вѣротерпимости? А между тѣмъ о вѣротерпимости Грознаго говорятъ даже враги его, какъ напримѣръ, ливонскій историкъ Кельхъ: „In Religionssachen zwang er (ausser den Juden, welche er sehr verfolgte) niemanden, sondern liess einen jeden bleiben wer er war“. Замѣчательно, что предубѣжденіе противъ іудеевъ съ Іоанномъ Грознымъ на разстояніи цѣлаго столѣтія раздѣлялъ и Петръ Великій. Обоимъ оно навѣяно было изъ западной Руси. Нѣкоторые историки наши говорятъ о жестокостяхъ противъ Башкина, но казнь его ограничилась однако только ссылкой. Башкинъ же отрицалъ Троицу, воплощеніе и пр., а въ томъ же XVI вѣкѣ реформаторъ Кальвинъ за подобное отрицаніе сжегъ друга своего Сервета. За подобную ересь при дворѣ дѣда Грознаго жгли жидовствующихъ. Замѣчательный фактъ приводитъ профессоръ Карѣевъ въ своей исторіи реформація въ Польшѣ, именно, что тамъ Іоанна Грознаго желали имѣть своимъ королемъ реформаты за его вѣротерпимость. Но у насъ при объясненіи чрезвычайно важныхъ фактовъ довольствуются голословнымъ заимствованіемъ ихъ, безъ всякой критики, изъ сомнительныхъ источниковъ. У Карамзина, напримѣръ, сказано: злодѣй Бомелій подстрекалъ Грознаго казнить бояръ, ну такъ и да будетъ. Но провѣрены ли были критически исторіографомъ источники, изъ которыхъ онъ заимствовалъ не только факты, но и сужденіе о Бомеліѣ? Мы не хотимъ понять, что казни

прирожденные князья отъ племени Гедимины, породнившіеся съ домомъ Калиты и вообще съ домомъ Владиміра. Потомъ слѣдуютъ князья татарскихъ родовъ, большею частью Чингисова потомства, не принимавшіе участія въ чуждыхъ имъ расправахъ. Только съ Петра Великаго являются жалованныя княжескія фамиліи—Меньшиковы, Суворовы, Паскевичи и пр. Съ Александра I въ число княжескихъ родовъ входятъ потомки разныхъ отраслей царскихъ домовъ Грузіи, Имеретіи. Кроме того, въ XVIII вѣкѣ въ число княжескихъ фамилій входятъ потомки жалмыцкихъ хановъ. Прошу извиненія за внесеніе въ примѣчаніе элементарныхъ свѣдѣній: можетъ быть, они окажутся и не лишними.

бояръ не могли быть вызваны подстрекательствомъ иноземца, что казни эти и до Бомелія шли издавна и что причину гибели самаго Бомелія нужно искать въ чемъ-то другомъ. Это другое, между прочимъ, то, что Бомелій уговаривалъ Иоанна жениться на иностранкѣ. Стоитъ припомнить жалобы Берсеня-Беклемишева при отцѣ Грознаго на женъ иностранокъ и таковыя же Курбскаго, да не худо вспомнить ропотъ при Петрѣ Великомъ, встрѣтившій бракъ царевича Алексѣя съ Брауншвейгской принцессой, чтобы понять причины ненависти бояръ и духовенства къ Бомелію и осторожнѣе судить о его дѣлѣ.

Въ свое время мы подробнѣе будемъ разбирать историческіе взгляды Карамзина; теперь же напомнимъ слова преемника исторіографа о IX томѣ Исторіи Государства Россійскаго и приведемъ вкратцѣ нѣкоторыя другія мнѣнія. „До появленія въ свѣтъ IX тома Исторіи Государства Россійскаго, — говоритъ Устряловъ, — у насъ признавали Иоанна государемъ великимъ: видѣли въ немъ завоевателя трехъ царствъ и еще болѣе мудраго, попечительнаго законодателя“. До появленія IX тома Исторіи Карамзина другія мнѣнія, болѣе справедливыя, существовали и о лицахъ, возвеличенныхъ Карамзинымъ. Такъ, напримѣръ, прославленный Карамзинымъ смиренный іерей Сильвестръ княземъ Щербатовымъ характеризуется, какъ человекъ, который, подъ видомъ благочестія, былъ лъстивъ и лукавъ. (Исторія Россійская, т. V, ч. 1, стр. 449).

Противоположенія Карамзина: Иоаннъ—сама добродѣтель при Анастасіи, Иоаннъ—злодѣй безъ нея, Иоаннъ—злодѣй внѣ всякаго вѣроятія и его враги — олицетвореніе добродѣтели, въ родѣ смиреннаго іерея Сильвестра, нынѣ кажутся болѣе, чѣмъ странными; но въ свое время они казались историческими аксіомами.

Какъ Сильвестра Карамзинъ отрекомендовалъ читателямъ по свидѣтельству преимущественно Курбскаго, такъ и послѣдняго изобразилъ въ томъ видѣ, въ какомъ Курбскому угодно было представить читателю свой собственный портретъ. По Курбскому и царствованіе Иоанна раздѣлено на двѣ части — до и по смерти Анастасіи, что у Курбскаго значило до и послѣ паденія Сильвестровой стороны (другими словами — Иоаннъ былъ хорошъ, пока съ нимъ были друзья Курбскаго).

Но не всѣ современники и даже сторонники Курбскаго такъ смотрѣли на Грознаго. Князь Катыревъ-Ростовскій въ Хронографѣ, который прежде назывался Кубасовскимъ, такъ характеризуетъ Иоанна: „Мужъ чуднаго разумнія въ наукѣ книжнаго поученія и много-

рѣчивъ (то-есть, краснорѣчивъ) zelo, къ ополченію дерзостенъ и за свое отечество стоятеленъ“. Потомъ, сказавъ о жестокости и плотской невоздержанности Іоанна, онъ прибавляетъ: „Той же царь Иванъ многая благая сотвори, воинство вельми любаше и требующаго (требуемаго) имъ отъ сокровища своего нескудно подававшя“ (Изборникъ А. Попова, 313 стр.).

Князь Катыревъ-Ростовскій, заканчивая характеристику Іоанна словами: „Таковой бо бѣ царь Иванъ“, не дробить его царствованія на двѣ части, до и послѣ Анастасіи. Князь Катыревъ-Ростовскій—родственникъ Романовыхъ, писавшій при первомъ царѣ изъ дома Романовыхъ, — какъ человекъ правдивый, ни единымъ звукомъ не даетъ намъ знать о какомъ-то переломѣ въ характерѣ Іоанна по смерти царицы Анастасіи.

Вышеназванный ливонскій историкъ Кельхъ, жестокой врагъ Іоанна, много и главшій на него, въ общей характеристикѣ Іоанна говоритъ слѣдующее: „Іоаннъ былъ рачителенъ къ государственному управленію и въ извѣстныя времена года слушалъ лично жалобы подданныхъ. Тогда каждый, даже менѣе всѣхъ значущій, имѣлъ къ нему доступъ и смѣлъ объяснять свою надобность. Государь читалъ самъ просьбы и рѣшалъ дѣла безъ промедленія. Въ государственныя должности онъ производилъ людей къ нимъ способныхъ, не уважалъ никого и чрезмѣрно пекся, чтобы они не допускали подкупать себя и не искали собственной выгоды, но всякому равно оказывали справедливость; жесточайше наказывалъ неоплатныхъ должниковъ, обманщиковъ и не терпѣлъ, чтобы туземцы и чужестранцы такимъ образомъ обкрадывали другъ друга“. Замѣчательно, что Карамзинъ, много разъ ссылаясь на Кельхъ, то принимая, то отвергая приводимые имъ факты, объ этихъ словахъ Кельха умолчалъ.

Арцыбшевъ, приводя, въ примѣчаніи 2193, означенныя слова Кельха въ подлинникѣ, добавляетъ: „Судя по этому и описанію Кубасова, хотя и можно заключить, что Іоаннъ былъ излишне строгъ и невоздерженъ, но отнюдь не извергъ внѣ законовъ, внѣ правилъ и вѣроятностей разсудка, какъ объявлено въ Исторіи Государства Россійскаго“ (Повѣствованіе о Россіи, т. 2, стр. 380, изд. 1838 г.).

Въ концѣ сороковыхъ годовъ вопросъ о личности и значеніи царствованія Грознаго поднять былъ Кавелинымъ и Соловьевымъ и съ тѣхъ поръ съ нѣкоторыми перерывами не разъ возобновлялся, какъ увидимъ въ слѣдующихъ статьяхъ.

Ученые споры объ этомъ царствованіи отразились и за границею.

Альфредъ Рамбо, въ своемъ трудѣ „La Russie Epique“, сопоставляетъ личности Ивана Грознаго и Петра, одного—основателя Московскаго царства, другаго—основателя Русской имперіи, считая ихъ высшими представителями пороковъ и добродѣтелей главнаго русскаго племени — великорусскаго (см. Ж. М. Н. Пр., за 1876 годъ, № 9; отзывъ профессора К. Н. Вестужева-Рюмина о вышеназванномъ трудѣ Рамбо). Совершенно справедливо профессоръ Вестужевъ находитъ взгляды Рамбо на личности Іоанна и Петра въ высшей степени любопытными. При этомъ слѣдуетъ однако вспомнить, что за сорокъ лѣтъ до появленія „La Russie Epique“ такое мнѣніе высказано было К. Д. Кавелинымъ въ его статьѣ „Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи“.

Когда рѣчь дойдетъ до Кавелина, мы возвратимся и къ мнѣніямъ, высказаннымъ Рамбо, которыя во всякомъ случаѣ замѣчательны, особенно для иностранца, лучше понимавшаго смыслъ нашей исторіи, чѣмъ многіе русскіе. Вопросъ же—имѣлъ ли Рамбо въ виду мнѣніе Кавелина—оставляемъ пока безъ разрѣшенія.

Высказавши вкратцѣ основной нашъ взглядъ на эпоху Грознаго, мы можемъ приступить къ разбору двухъ основныхъ источниковъ для его царствованія—сказаній Курбскаго и Синодика.

Во мнѣніи публики и историковъ литературы князь Курбскій все еще стоитъ на пьедесталѣ, который онъ самъ себѣ воздвигнулъ и который укрѣпленъ Карамзинимъ. Даже и у специалистовъ, появившихъ несправедливый приговоръ Карамзина объ Іоаннѣ, авторитетъ Курбскаго едва поколебленъ, особенно въ исторіи войнъ, веденныхъ при Іоаннѣ. Такъ Соловьевъ, въ примѣчаніи 42-мъ къ VI тому, по поводу взятія Казани, прибавляетъ, безъ всякаго возраженія: по словамъ Курбскаго первымъ на стѣну взшелъ братъ его. При описаніи тѣхъ же событій на Курбскаго ссылается, иногда съ легкими оговорками, и такой осторожный историкъ, какъ К. Н. Вестужевъ-Рюминъ.

При всей важности, которую придавали сочиненіямъ Курбскаго, до сихъ поръ весьма мало занимались историко-критическимъ изслѣдованіемъ его сказаній.

Съ 1859 г. по 1889 г. только двое молодыхъ ученыхъ попробовали свои силы надъ критикою сказаній. Въ 1859 г. въ Казани вышло сочиненіе Сергѣя Горскаго подъ заглавіемъ: „Жизнь и историческое значеніе Курбскаго“ — сочиненіе не бесполезное по справкамъ, которыя сдѣланы авторомъ; но не ищите въ немъ освѣщенія эпохи. Оно въ одно и то же время тенденціозно и наивно. Не вда-

ваясь въ подробности, мы приведемъ только одинъ примѣръ изъ ряда наивно-грубыхъ сужденій Горскаго. Говоря объ извѣстномъ совѣтѣ Вассіана Топоркова, онъ не отрицаетъ даже формы этого совѣта, какъ это сдѣлалъ Соловьевъ, но внушительно вѣщаетъ, что увѣщаніе не имѣтъ совѣтника мудрѣе себя могло быть дано царю только человѣкомъ, предавнымъ царскому дому. По Горскому выходитъ, что Вассіанъ доказывалъ Іоанну, что Сильвестръ и Адашевъ умнѣе его, почему и совѣтовалъ прогнать ихъ. Надобно обладать большимъ запасомъ простоты, чтобы такъ судить.

Черезъ тридцать одинъ годъ, въ 1889 г., въ Кіевѣ явилось сочиненіе о Курбскомъ А. Н. Ясинскаго—подъ заглавіемъ: „Сочиненія князя Курбскаго, какъ историческій матеріалъ“. Въ этомъ сочиненіи Ясинскій является апологетомъ Курбскаго, апологетомъ болѣе страстнымъ, чѣмъ искуснымъ. Такъ, говоря объ отъѣздѣ Курбскаго въ Литву, Ясинскій отвергаетъ даже самый вопросъ о правѣ отъѣзда, за которое стояли бояре и, добавимъ, имѣли основаніе стоять, хотя не умѣли для защиты своихъ правъ выковать оружіе, которое подходило бы ко времени, по замѣчанію Соловьева. Странно, говорить Ясинскій, заводить рѣчь о правѣ отъѣзда, когда Курбскій бѣжалъ, „желая отъ казни горло свое унести“. Онъ старается доказать, что Іоаннъ заподозрилъ Курбскаго за сношенія съ фонъ-Арцемъ, намѣстникомъ герцога финляндскаго, арестованнаго шведскимъ королемъ. Что же касается до сношенія съ литовскими панями, то это де дѣло обыкновенное. „Ни откуда, говоритъ онъ, не видно, чтобы Курбскій дѣйствовалъ обдуманно и чтобы онъ тогда только рѣшился измѣнить царю, когда плату за измѣну нашель для себя выгодною“ (стр. 73 — 74). Вопросы, задѣтые здѣсь, такъ важны, что на нихъ необходимо остановиться помимо достоинствъ труда г. Ясинскаго.

Сказать, что Курбскій измѣнилъ царю только изъ личной выгоды, было бы грубой исторической ошибкой; но сказать, что сношенія Курбскаго съ литовскими панями имѣли заурядный характеръ и что въ дѣйствіяхъ Курбскаго не было обдуманности,—уже не ошибка, а сознательная неправда, ибо г. Ясинскій, какъ видно изъ его собственныхъ словъ, хорошо знакомъ съ сочиненіемъ г. Иванишева: „Жизнь Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни“ и съ документами, къ этой книгѣ приложенными. А. Ясинскій изслѣдованіе г. Иванишева называетъ прекраснымъ. Посмотримъ же, что говоритъ это прекрасное изслѣдованіе.

Вотъ что: „Къ Курбскому отправлены были два письма, одно отъ

короля Сигизмунда-Августа, а другое отъ сенаторовъ—Николая Радзивила, гетмана литовскаго и Евстафія Воловича, подканцлера Великаго Княжества Литовскаго. Король, гетманъ и подканцлеръ приглашали Курбскаго оставить Московское государство и пріѣхать въ Литву. Вѣроятно, отвѣтъ Курбскаго былъ не совсѣмъ отрицательный, потому что король и Радзивиль въ другой разъ отправили*къ нему посланія. Король обѣщалъ Курбскому свои милости, а Радзивиль увѣрялъ, что ему дано будетъ приличное содержаніе“ (Жизнь кн. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, предисловіе къ Актамъ). Далѣе: „Послѣ двукратнаго приглашенія, Курбскій изъявилъ согласіе измѣнить Россіи, сенаторы присягнули въ томъ, что король исполнитъ свои обѣщанія, и Курбскій, получивъ королевскую опасную грамоту, бѣжалъ въ свое новое отечество. Слѣдовательно, Курбскій явился къ королю польскому не какъ бѣглець, преслѣдуемый страхомъ за проигранное сраженіе ¹⁾; напротивъ, онъ обдуманно велъ переговоры и тогда только рѣшился измѣнить своему царю, когда плату за измѣну напелъ выгодною“ (тамъ же).

Конечно, какъ замѣтили мы выше, не однѣ личныя выгоды влекли Курбскаго въ аристократическую Польшу, но король Сигизмундъ-Августъ, уговаривая Курбскаго оставить службу Іоанну, естественно желалъ привлечь его изъ политическихъ видовъ, дабы склонить боярскую партію въ Москвѣ на свою сторону, показать боярамъ блистательный примѣръ щедрости польскаго короля и вознаградить Курбскаго за имущественныя его потери въ Москвѣ. Курбскій велъ съ королемъ, безъ сомнѣнія, такіе же переговоры о вознагражденіи за переходъ къ нему на службу, какіе въ старину вели всѣ дружинники съ удѣльными князьями. И что это было такъ, доказываетъ королевская грамота: „оставилъ, говорится въ этой грамотѣ, всѣ свои имѣнія и все свое имущество, какое имѣлъ въ землѣ Московскаго государства, отказался отъ службы и пріѣхалъ къ намъ на службу и въ

¹⁾ А. Ясинскій старается доказать, что подъ Невелемъ Курбскій не былъ разбитъ, что разказы польскихъ лѣтописцевъ—одно хвастовство. Онъ приводитъ даже слова Іоанна, которыя показываютъ однако совсѣмъ не то, что видить въ нихъ Ясинскій. Вотъ они: „Тако же и подъ градомъ Невелемъ: пятью на десять тысящъ четьре тысящи не могосте побити и *не токмо убо побѣдисте, но и сами отъ нихъ*, ничто же успѣвше, едва *возератишася*“. Едва успѣтъ убраться по добру, по здорову, съ 15 т. войска отъ непріятели, у котораго 4 т.,—это ли не поражение? Замѣчательно, что Карамзинъ счелъ за лучшее умолчать объ этой битвѣ.

наше подданство, будучи вызванъ отъ нашего господарскаго имени“ (Акты, стр. 10). Въ этой же грамотѣ король, жалую Курбскому Ковель со всѣми мѣстностями, говоритъ: „Имѣть право кн. А. Курбскій самъ, его жена, ихъ дѣти мужескаго пола, владѣть замкомъ Ковельскимъ и пользоваться имъ вѣчно“ (стр. 11).

Эта грамота Сигизмунда-Августа торжественно признаетъ за кн. Курбскимъ, а слѣдовательно и за всѣмъ боярствомъ, — дружинное право переходить, по своему усмотрѣнію, на службу великаго князя Литовскаго, который, владѣя наслѣдіемъ западно-русскихъ линій дома св. Владиміра, титуловался и великимъ княземъ Русскимъ. Что же касается до выраженія, что Курбскій и его друзья унесли только горло, то-есть, спасли жизнь отъ жестокости Іоанна, то это словечко подхвачено у Стефана Баторія, изъ его письма къ Грозному: „Ты говоришь, — пишетъ Баторій Грозному, — что мы съ твоими измѣнниками Курбскимъ, Заболоцкимъ и Тетеринымъ взяли Полоцкъ. Да, великая эта помощь трехъ человѣкъ, которыя отъ твоей жестокости только съ горломъ утекли“. Въ словахъ Баторія видна только одна досада, что Курбскій и его друзья мало привели людей на службу короля польскаго и великаго княжества Литовскаго и что фактическая помощь означенныхъ трехъ людей при взятіи Полоцка была ничтожна.

Но какъ высоко цѣнилъ король Сигизмундъ-Августъ, предшественникъ Баторія, отказъ Курбскаго служить Іоанну и его переходъ на службу къ нему, къ великому князю литовскому и королю польскому, показываютъ дары, которыми онъ осыпалъ князя Андрея Михайловича Курбскаго.

Въ 1564 г., въ годъ перехода Курбскаго, ему дана была Ковельская волость, одно изъ богатѣйшихъ и многолюднѣйшихъ королевскихъ имѣній. Г. Иванишевъ сообщаетъ выгодныя экономическія условія этого имѣнія. „Лѣсной товаръ и хлѣбъ отправлялись въ гг. Данцигъ и Эльбингъ по рѣкамъ Бугу и Вислѣ; въ селѣ Гойшинѣ добывалась желѣзная руда; звѣринные промыслы и пчеловодство доставляли значительные доходы. Населеніе было многолюдно. Ковельское имѣніе заключало въ себѣ городъ Ковель съ замкомъ, мѣстечко Вижду съ замкомъ же, мѣстечко Миляновичи съ дворцомъ и 28 селъ“ („Жизнь князя А. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни“, стр. 5).

По декретамъ королевскимъ 1564 и 1567 гг. имѣніе это дано было въ ленное владѣніе, то-есть, съ правомъ передачи его въ потомство только въ мужескомъ колѣнѣ. Курбскій самовольно хотѣлъ обратить его въ полную собственность и сталъ писаться княземъ

Ковельскимъ и Ярославскимъ, что возбудило столкновение съ польскимъ правительствомъ и заставило короля Сигизмунда-Августа напомнить князю о предѣлахъ его власти, кстати для этого напоминанія оказался подходящій предлогъ. Этотъ предлогъ—жестокое обращеніе управляющаго Курбскаго съ іудеями города Ковеля. Дѣло это такъ передано г. Иванишевымъ: „Ковельскій урядникъ Курбскаго Иванъ Келеметъ велѣлъ вырыть на дворѣ Ковельскаго замка яму, наполнилъ ее пивками и сажалъ въ эту яму жидовъ, вопль которыхъ раздавался за стѣнами замка. Владимірскіе жиды вступились за свою братію жидовъ ковельскихъ, и, ссылаясь на королевскія привилегіи, требовали суда. Келеметъ отвѣчалъ, что онъ знаетъ только волю князя и знать не хочетъ ихъ привилегій“.

Курбскій защитилъ управляющаго Келемета передъ судомъ; но не могъ защитить отъ народной ненависти. Во Владимірѣ-Волынскомъ, гдѣ Келеметъ бывалъ часто по дѣламъ, жители однажды заперли городскія ворота и ударили въ набатъ, чтобы захватить и убить его; но на этотъ разъ онъ избѣгнулъ опасности, однако вскорѣ былъ убитъ какимъ то княземъ Булыгой. Другой урядникъ Курбскаго, москвичъ Андрей Барановскій, получилъ въ даръ отъ своего патрона село Борки и такъ возстановилъ противъ себя крестьянъ, что они заперли его съ женою, дѣтми и челядью въ клѣтъ и всѣхъ сожгли живыми.

Такъ-то поживалъ на Волыни князь Андрей Михайловичъ Курбскій, котораго риторы и до сего часа называютъ представителемъ земскихъ началъ!

При такихъ отношеніяхъ кн. Андрея Михайловича Курбскаго къ царю Іоанну Васильевичу и къ великому князю литовскому, королю польскому, можно ли искать безпристрастія въ его Исторіи князя великаго московскаго?

Въ своемъ трудѣ „Объ историческомъ значеніи русскаго боярства до конца XVII вѣка“ я отмѣтилъ умысленныя искаженія фактовъ въ Исторіи князя великаго московскаго, сочиненной княземъ Андреемъ Курбскимъ. Эти искаженія начинаются съ первой главы; я указалъ, какъ Курбскій, приписавъ Іоанну участіе въ убійствѣ Ивана Бѣльскаго, прибавилъ по сему случаю года Іоанну, сказавши, что ему пошелъ семнадцатый годъ, когда царю не было еще и двѣнадцати. Отецъ князя Андрея и его родные были близки къ событіямъ времени юности Іоанна, и самъ кн. Андрей былъ только двумя го-

дами старше царя, такъ что онъ хорошо могъ знать и помнить время событій, происходившихъ передъ его глазами.

Но изъ всѣхъ девяти главъ Исторіи Іоанна князя великаго московскаго, одинаково наполненныхъ искаженіями фактовъ, ни одна не иллюстрируетъ такъ наглядно памфлетный характеръ мнимо-историческаго труда Курбскаго, какъ глава вторая. Вся цѣль ея—по возможности умалить личную заслугу Іоанна въ блистательнѣйшемъ и полезнѣйшемъ дѣлѣ его царствованія, именно во взятіи Казани. Онъ усиливается приписать успѣхъ дѣла боярамъ, которые въ малолѣтствѣ Грознаго ничего не смогли сдѣлать съ этимъ разбойничьимъ гнѣздомъ. Взятіе Казани окружило Іоанна небывалымъ до того времени ореоломъ избавителя русской земли отъ притона грабителей, ореоломъ, который ему значительно помогъ осидить внутреннихъ враговъ. Вся исторія Іоанна сочинена Курбскимъ, когда авторитетъ боярства былъ потрясенъ въ значительной части Московскаго государства. Памфлетъ Курбскаго, подъ заглавіемъ исторія Іоанна, имѣлъ конечную цѣлю защиту бояръ, и этой цѣли онъ достигъ; образованная часть потомства введена была имъ въ заблужденіе; его сочиненіемъ иногда пользовались даже историки наиболѣе объективные, какъ историческимъ матеріаломъ. Выше мы упомянули, что Соловьевъ, при описаніи осады Казани, если не вполне, то все-таки въ нѣкоторыхъ пунктахъ слѣдовалъ Курбскому. Онъ не только вѣритъ, что братъ Курбскаго первый взшелъ на стѣны Казани, но у Курбскаго же онъ заимствуетъ и разказъ о выдачѣ царя Ядигера русскимъ. Точно такъ же снисходителенъ къ извѣстіямъ Курбскаго и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Но, послѣ Карамзина, никто не содѣйствовалъ до такой степени возвышенію авторитета Курбскаго, какъ издатель его сочиненій пр. Устряловъ. Въ статьяхъ моихъ, объ историческомъ значеніи русскаго боярства, приведенъ былъ примѣръ, какъ издатель сочиненій Курбскаго искажалъ смыслъ словъ Іоанна. Здѣсь позволю себѣ сдѣлать поясненіе этого обстоятельства. Устряловъ одну изъ укорицъ Іоанна боярамъ въ посланіи въ Курбскому озаглавливаетъ такъ: везли, какъ плѣнника въ Казанскую землю, чего нѣтъ у Іоанна. У него сказано: аки плѣнника, всадивъ въ судно, везяху съ малѣйшими людьми сквозъ безбожную и невѣрную землю. Устряловъ въ примѣчаніи восклицаетъ: „слѣдовательно, его насильно везли подъ стѣны Казани“. Это восклицаніе дѣлаетъ историкъ, который очень хорошо зналъ, что подъ Казань, то-есть, въ казанскую землю, Іоаннъ шель сухимъ путемъ черезъ Владиміръ и Му-

ромъ въ Свияжску съ громаднѣмъ ополченіемъ, а на судахъ, Волгою возвращался изъ Казанской земли. Тогда онъ дѣйствительно плылъ съвозъ Казанскую землю, съ малѣйшими людьми; тогда кругомъ бунтовали Черемисы, о чемъ Іоанна, вѣроятно, и не предупредили, въ чемъ справедливо онъ и упрекаетъ бояръ. Таковъ смыслъ этихъ словъ Іоанна, словъ, принятыхъ по толкованію Устрялова, на основаніи которыхъ созидались фантастическія характеристики Грознаго. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ говоритъ, что Іоаннъ въ раздраженіи говорилъ, что его везли насильно въ Казанскую землю (Русск. Исторія, ч. 2, прим. 44, стр. 222 и 223). Ни въ какомъ раздраженіи по нашему мнѣнію, Іоаннъ не могъ говорить то, чего не было.

Въ главѣ о взятіи Казани Курбскій болѣе всего завялъ прославленіемъ своей особы, своего брата и своихъ друзей синелитовъ, какъ онъ называетъ бояръ. Затемняя настоящій ходъ событій, Курбскій въ этой главѣ и въ началѣ третьей подготавливалъ въ читателѣ чувство негодованія противъ тираніи, которую онъ рисуетъ въ остальныхъ главахъ. Вторая и начало третьей главы должны были выставить въ яркомъ свѣтѣ неблагодарность Іоанна къ мнимымъ виновникамъ покоренія Казани и вмѣстѣ съ тѣмъ заглушать непріятный для бояръ фактъ, грабежи казанцевъ, съ которыми бояре не могли сладить въ малолѣтство Грознаго.

Всѣ эти обстоятельства и соображенія, надѣюсь, убѣдятъ читателя въ необходимости обстоятельнаго разбора второй главы исторіи князя великаго Московскаго, чтобы имѣть возможность оцѣнить степень достовѣрности или, лучше сказать, степень тенденціозности твореній представителя боярства, который даже въ заглавіи своей исторіи не даетъ Іоанну титулъ царя.

Въ самомъ началѣ казанскаго похода 1552 года нашествіе крымскаго хана на Россію, съ цѣлію сдѣлать диверсію въ пользу Казани, случайно сдѣлало имя Курбскаго извѣстнымъ цѣлой Россіи, какъ героя. Ханъ бросился на Тулу и осадилъ этотъ городъ, о чемъ извѣстіе пришло къ Іоанну, когда онъ былъ въ Коломнѣ. Іоаннъ послалъ кн. Курбскаго съ кн. Щенятевымъ изъ Каширы съ 15 тыс. конницы, чтобы развѣдать положеніе дѣлъ и защищать край, подвергнувшійся нападенію хана, отъ загоновъ или отъ взгоновъ крымскихъ, то-есть, партизанскихъ отрядовъ, которые татары имѣли обыкновеніе расклатъ, чтобы они, описывая круги, все опустошали на пути ихъ. Вся трудность порученія, даннаго Курбскому, состояла въ умѣніи догонять такіе отряды и принуждать къ битвѣ, что, при

быстротѣ татарскихъ коней, было дѣломъ нелегкимъ. За двѣ съ половиною мили отъ Тулы Курбскій встрѣтилъ на какомъ то потоцкѣ сторожевой отрядъ крымскаго хана; но этотъ отрядъ успѣлъ ускользнуть и дать хану извѣстіе о появленіи передоваго царскаго отряда, а можетъ быть, и о готовности или даже о походѣ самого Іоанна, о чемъ татары могли заключить по многочисленности отряда Курбскаго. Только предположивъ такой слухъ, можно объяснить и быстрое отступление изъ подъ Тулы хана, не успѣвшаго даже предупредить загоновъ, и вылазку, сдѣланную туляками, ободрившимися пылью, поднятою, безъ сомнѣнія, татарскимъ сторожевымъ отрядомъ, напередъ котораго прибыли двуконные вершники, вѣстники. Скорое отступление хана превратилось въ бѣгство; онъ побросалъ пушки, ядра, порохъ и съ верблюдами, на которыхъ возилъ пушки и боевые снаряды. Когда Курбскій на утро подошелъ къ Тулѣ, то хана уже не было. Подъ Тулою очутился только, безъ сомнѣнія, одинъ изъ крымскихъ загоновъ, который и былъ разбитъ Курбскимъ. Послѣдній говоритъ, что ханъ оставилъ безъ мала треть своего войска. Предположимъ, что во всѣхъ загонахъ и была треть ханскаго войска, то-есть, тысячь тридцать, но нѣтъ никакого вѣроятія, чтобы всѣ 30 т. сошлись подъ Тулу какъ разъ къ приходу Курбскаго.

Должно замѣтить, что Курбскій и Щенятевъ посланы были изъ Каширы; но кромѣ ихъ къ Тулѣ пришли воеводы изъ Ростиславля, князя Пронскій и Хилковъ. Кто изъ нихъ догналъ татаръ и сражался на берегахъ р. Шиворони, притока р. Упы, неизвѣстно; но Курбскаго тутъ не было, ибо онъ объ этой битвѣ не умолчалъ бы, а онъ говоритъ только о стычкѣ подъ Тулою, гдѣ онъ раненъ былъ въ голову и въ другіе суставы, по его выраженію. Раны эти, однако, не были очень тяжелы, ибо онъ могъ немедленно возвратиться въ царскій станъ.

Въ Софійскомъ Временникѣ, изд. 1821 г., о событіяхъ подъ Тулою сказано просто, безъ всякихъ преувеличеній ихъ важности: „Ханъ бѣжалъ, не предупредивъ заговы, а воеводы великаго князя эти загоны побилъ, многихъ людей отбилъ и возвратились“. Въ этихъ словахъ стычки Курбскаго и Щенятева подъ Тулою, Пронскаго и Хилкова на берегахъ Шиворони слиты во едино, какъ событія маловажныя.

Что касается до похвалъ, которыми сверхъ мѣры осыпалъ Іоаннъ воеводъ за эти подвиги, то смыслъ и причины этихъ похвалъ ясны. Вопервыхъ, онъ радъ былъ, что Ханъ бѣжалъ и открылась возмож-

ность безпрепятственно продолжать путь подъ Казань. Радость же всегда дѣлаеть челоуѣка благодушнымъ и снисходительнымъ. Вторыхъ, онъ хотѣлъ ободрить и воеводъ, и войско, и народъ передъ казанскимъ походомъ 1552 г., изгладить до нѣкоторой степени воспоминаніе о неудачахъ предыдущихъ казанскихъ походовъ. При этомъ не худо вспомнить, какъ ради такой-же цѣли Петръ Великій восхвалялъ ничтожныя побѣды при Эрестферѣ и Гуммельсгофѣ.

Настоящую же оцѣнку военныхъ подвиговъ Курбскаго Іоаннъ далъ въ отвѣтѣ на посланіе его изъ Литвы: „аще убо вы и раны многи претерпѣсте, но побѣды никоея же сотвористе“. При этомъ Іоаннъ напомнилъ, что воеводы, запиравшись у князя Тѣмкина, упустили ханскаго воеводу Ахмета-Улана, бывшаго съ малыми силами. Замѣчательно, что Курбскій не упоминаеть даже и имени Ахметъ-Улана.

Устряловъ, въ 290-мъ примѣчаніи къ сочиненіямъ Курбскаго, очень неудачно защищаетъ его отъ этихъ упрековъ Іоанна, положившись на хвалебное повѣствованіе Царственной книги, которое онъ и цитируетъ. Историкъ не замѣтилъ даже отсутствія правдоподобія въ повѣствованіи, на которое онъ ссылается. Ханъ, по этому повѣствованію, убѣжалъ за три часа до прихода Курбскаго и Щенятева, а они его догнали, разбили на берегахъ р. Шиворони и отняли обозъ. Устряловъ и забылъ, что Курбскій, по его собственнымъ словамъ, сражался еще подъ Тулою съ загонами, а потомъ уже могъ гнаться за ханомъ, еслибы гнался. Слѣдовательно, ханъ имѣлъ болѣе трехъ часовъ впередъ противъ Курбскаго. Могъ ли Курбскій, сдѣлавшій длинный переходъ изъ Каширы, потомъ сражавшись съ загонами, догонять хана, у котораго кони три дня стояли подъ Тулою и при томъ многіе всадники у татаръ были двухконные. Даже молчаніе Курбскаго о дѣлѣ на берегахъ р. Шиворони не удержало Устрялова отъ жалкихъ натяжекъ, дабы обвинить Іоанна въ несправедливости его упрековъ. Къ несчастію для Устрялова всѣ данныя оправдываютъ ироническій отзывъ Грознаго о геройскихъ дѣлахъ Курбскаго подъ Тулою, — отзывъ, высказанный тогда, когда самъ Курбскій напросился на правду и когда уже не было нужды приноровленными къ случаю похвалами кого-либо ободрять.

Дѣла подъ Тулою не важны; но важно показать читателю и самовосхваленіе Курбскаго и легковѣріе, съ которымъ историки принимали его извѣстія.

При описаніи осады Казани, кн. Курбскій всячески, на сколько

возможно, скрываетъ личное участіе Іоанна въ покореніи этого города. Онъ имѣлъ на это свои причины; взятіе Казани, какъ выше сказано, далъ громадную популярность имени Іоанна и бросало косвенную тѣнь на боярство, которое, занятое своими крамолами, допускало казанцевъ безнаказанно грабить русскую землю и лить русскую кровь во время малолѣтства Іоанна. Поэтому его цѣль при описаніи взятія Казани—умалить заслуги Іоанна и, елико возможно, преувеличить заслуги бояръ, и въ этомъ пунктѣ его памфлетъ въ значительной мѣрѣ достигъ цѣли своей. Благодаря ему, въ общественномъ сознаніи пониманіе этого подвига раздвоилось: образованные классы, черезъ Карамзина воспріявъ духъ писаній Курбскаго, взятіе Казани считаютъ дѣломъ бояръ, въ народныхъ же воспоминаніяхъ Іоаннъ является единственнымъ героемъ въ избавленіи русской земли отъ разбойничьяго гнѣзда. Народъ вѣрнѣе понималъ важный историческій фактъ, храня онъ воспоминаніе въ своихъ пѣсняхъ:

Онъ Казань городъ взялъ,
Мимоходомъ городъ Астрахань.

Давно извѣстно, что, при оцѣнкѣ историческихъ личностей и событій нельзя пренебрегать народными воззрѣніями на нихъ.

Въ эпическихъ сказаніяхъ своихъ народъ часто дѣлаетъ изумительно вѣрныя обобщенія. Историки наши только съ 40-хъ годовъ текущаго столѣтія стали замѣчать связь событій царствованія Іоанна со всею предыдущею исторіей Москвы, а народъ въ своемъ эпосѣ понялъ это за много столѣтій назадъ; онъ пѣлъ: „зачиналась каменная слава Москва, зачинался въ ней и грозный царь“. Какое поэтическое и вмѣстѣ съ тѣмъ исторически вѣрное обобщеніе неразрывной связи дѣятельности Грознаго со всею исторіей Москвы!

Обратимся теперь къ описанію взятія Казани.

О повелѣніи Іоанна ничего не предпринимать безъ его приказанія наши историки или почти что умалчиваютъ, или упоминаютъ слегка. Карамзинъ говоритъ: „Іоаннъ строго запретилъ чиновникамъ вступать въ битву самовольно, безъ государева слова“ (т. VIII, гл. IV). Соловьевъ: „приказано было также на-строго, чтобы безъ царскаго повелѣнія, а въ полкахъ безъ воеводскаго приказа, никто не смѣлъ бросаться къ городу“ (И. Р., т. VI, стр. 88, изд. 1867 г.).

Эти мимоходныя упоминанія не могутъ дать читателю полнаго понятія о распоряженіи Іоанна, въ которомъ отражается вполне рельефно его намѣреніе не выпускать дѣла изъ своихъ рукъ. Простодушная передача лѣтописцемъ-современникомъ этого приказа гораздо

лучше объясняетъ сущность дѣла. Вотъ какъ онъ передаетъ этотъ приказъ: „И рече бояромъ своимъ и воеводамъ и княземъ и дѣтямъ боярскимъ и всему войску своему: слышите, князи и бояре и всѣ людіе, первое слово, еже рекъ: не сумнися изъ васъ ни единъ ѣхати и идти ко граду безъ моего вѣдома и повелѣнія. Единъ же азъ повелѣваю вамъ, тогда постражите по православной вѣрѣ, да вѣнца небеснаго царствія воспримите отъ Создателя міру, азъ убо самъ хочу пострадати за святія церкви и за христіанство и за свое отечество, не токмо до крове, но и до смерти, и уповаемъ на Бога“ (Соф. Вр., стр. 417, 1821 г.).

Содержаніе рѣчи, приписываемой Іоанну его современникомъ, получаетъ полную достовѣрность, если примемъ во вниманіе, что выраженіе Іоанна о готовности его пострадать за христіанство „не токмо до крове, но и до смерти“ встрѣчается почти дословно въ его посланіи къ Курбскому, а выраженіе пострадать за свое отечество совпадаетъ съ характеристикой Іоанна, сдѣланной его современникомъ и врагомъ, княземъ Катывымъ-Ростовскимъ, который говоритъ про Іоанна: „за отечество былъ стоятеленъ“.

Князь А. М. Курбскій, чтобы въ своихъ видахъ затемнить дѣло, ни однимъ словомъ не упоминаетъ объ этомъ приказѣ, котораго онъ не могъ не знать.

Едва ли еще не знаменательнѣе умолчаніе со стороны Курбскаго о славномъ для Іоанна днѣ 24-го августа. Утромъ 24-го августа Іоаннъ объѣхалъ всю линію расположенія русскихъ войскъ, вездѣ самъ отмѣчалъ мѣстности для производства осадныхъ работъ. Но вечеромъ 24-го августа надъ Казанью и надъ лагеремъ разразилась страшная буря: палатки въ лагерѣ осаждающихъ были сорваны; на Волгѣ суда, не успѣвши разгрузиться, потопило, и пропали всѣ запасы продовольствія, котораго осталось не болѣе, какъ недѣли на двѣ, послѣ чего русскому войску грозилъ голодъ. Войско пришло въ уныніе а вожди, мудрые синклиты, какъ ихъ называетъ Курбскій, заговорили о возвращеніи назадъ. Соловьевъ оцѣнилъ этотъ день; онъ говоритъ: „Въ самомъ началѣ осады твердость Іоанна выдержала сильное испытаніе; но онъ не унывалъ, онъ послалъ приказъ немедленно двинуть новые запасы изъ Свіяжска, изъ Москвы, объявляя твердое намѣреніе зимовать подъ Казанью, днемъ и ночью ѣздилъ кругомъ города, высматривая мѣста, гдѣ слѣдуетъ сдѣлать укрѣпленія. Осадныя работы шли безостановочно“. Къ этой оцѣнкѣ дня 24-го августа слѣдуетъ добавить: Іоаннъ въ эти страшныя минуты об-

наружалъ не только твердость, но и пониманіе духа массъ и политическую проницательность. Пониманіе духа массъ онъ обнаружилъ тѣмъ, что не допустилъ ихъ до отчаянія, но, напротивъ, усиленными осадными работами поднялъ упавшій духъ войска, снова возбудилъ бодрость и надежду. Онъ понялъ, что бездѣятельность войска въ такомъ положеніи, порождая пустые толки и опасенія, можетъ кончиться паникою. Политическая проницательность Іоанна обнаружилась въ томъ, что онъ, видя готовность мусульманскаго міра подняться на защиту Казани, рѣшилъ безотлагательно покончить съ нею. Безъ этой рѣшимости, можетъ быть, нынѣшній востокъ европейской Россіи былъ бы для нея потерянъ.

Курбскій ни слова не говоритъ объ этомъ днѣ въ своей Исторіи князя великаго Московскаго; что онъ умалчивалъ объ этомъ днѣ умышленно, доказательствомъ служитъ обличеніе сторонниковъ Курбскаго Іоанномъ въ ихъ малодушіи, въ трусости и въ желаніи возвратиться назадъ послѣ бури 24-го августа. Курбскій на эти обличенія ни слова не могъ отвѣтить. Это обличеніе находится въ отвѣтъ Іоанна на первое посланіе Курбскаго Іоанну изъ Литвы. Іоаннъ пишетъ, что сколько разъ ни ходили подъ Казань, всегда съ неохотой, упоминаетъ о какомъ-то неизвѣстномъ фактѣ, что, благодаря боярскимъ подстрекательствамъ, болѣе 50.000 войска не приняло участія въ борьбѣ съ варварами. И на этотъ упрекъ Курбскій не возражаетъ. „Какъ же вы прегордыя царства раззоряли, когда отвращали народъ отъ брани? И всегда вы развращенная только совѣтовали,—говоритъ Іоаннъ,—и егда запасы истопиша, какъ три дня стоявъ, хотѣста во своя возвратитися“ (Сказанія Курбскаго, стр. 175, изд. 1868 г.).

Въ краткомъ отвѣщаніи своемъ Курбскій не опровергнулъ ни одного факта и только разсыпается въ жалобахъ, какъ Іоаннъ губить князатъ отъ племени св. Владиміра, лишивъ ихъ даже срацаиць. Это не отвѣтъ на обвиненія Іоанна, а оправданіе его обвиненій¹⁾.

Если изъ второй главы Исторіи князя великаго Московскаго исклю-

¹⁾ Дѣловая сторона переписки Курбскаго съ Іоанномъ открываетъ, между прочимъ, еще одну причину ненависти бояръ къ нему. Это его привычка неожиданными доказательствами, извлеченными изъ громаднаго архива его памяти, прпереть врага, что называется, къ стѣнѣ. Такими доказательствами разомъ оскорблялось самолюбіе и парализировались планы враговъ, что всюду и вездѣ возбуждало ненависть и раздраженіе. Іоаннъ же не щадилъ враговъ и на пустословія отвѣчалъ, какъ мы видѣли, фактами.

чить страницы о волхованіяхъ казанцевъ, которыми они навели дожди, плювиі, какъ выражается Курбскій, если вмѣстѣ съ этими волхованіями отбросить и его риторическія разглагольствованія, то количество фактовъ, имъ сообщаемыхъ, окажется не велико, а качество— весьма сомнительнаго достоинства. Князь Андрей Михайловичъ болѣе говоритъ о себѣ, чѣмъ объ общихъ событіяхъ казанской осады, превращая такимъ образомъ исторію въ личныя воспоминанія, на что нельзя не обратить вниманія.

При этомъ преобладаніи личнаго интереса въ описаніи осады Казани, Курбскій очень ловко или закрываетъ, или затушываетъ свои ошибки и промахи. Курбскому съ кн. Щенятевымъ, имѣвшимъ подъ своимъ начальствомъ 12.000 конницы и 6.000 пѣхоты, велѣно было занять правый берегъ р. Казанки отъ ея излучины до впаденія въ нее протока Булака, на противоположномъ берегу. Этой конницѣ предстояло оберегать лагерь осаждающихъ отъ набѣговъ луговой черемисы. Такимъ назначеніемъ объясняется и двойное число конницы, данное Курбскому, необходимое для разъѣздовъ, — для наблюденія, чтобы изъ лѣсовъ съ тылу не сдѣлано было внезапнаго нападенія. На наблюденіи за луговою черемисой и должно было сосредоточиться главное вниманіе Курбскаго.

Курбскій, на ряду съ опасностью, которая грозила его тылу, ставитъ и опасность, которой подвергался его отрядъ отъ крѣпостной артиллеріи. Но тутъ Курбскій, имѣя въ своихъ рукахъ большую равнину, всегда могъ поставить свой лагерь внѣ пушечныхъ выстрѣловъ. Точно также, стоя за рѣкою, Курбскій, при самомъ легкомъ наблюденіи, былъ совершенно безопасенъ отъ внезапной вылазки.

При такомъ выгодномъ положеніи, главное дѣло отряда Курбскаго, наблюденіе за луговою черемисою, шло плохо, и черемиса, напавъ на отрядъ его съ галицкой дороги, не мало, по его собственнымъ словамъ, стадъ коней нашихъ огрорила.

Этотъ эпизодъ не лишень значенія въ исторіи осады Казани, ибо потеря не малаго числа стадъ коней могла имѣть роковое вліяніе на общій ходъ дѣла: недостатокъ конницы лишалъ возможности оберегать расположеніе войскъ осаждающихъ отъ внезапныхъ набѣговъ татаръ, черемисъ и проч. Важность потери ясна; но Курбскій объ этомъ фактѣ говоритъ какъ бы о дѣлѣ ничего не значащемъ, охраняя и личную свою репутацію побѣдоноснаго воеводы, и ореоль его товарищей, мудрыхъ синклитовъ, ибо и для

него и для нихъ дѣло это постыдно: Курбскій, имѣя многочисленную конницу, имѣя пѣхоту съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, допустилъ черемисъ съ ихъ лучшимъ боемъ отбить у русскаихъ не то, что не мало коней, а не мало стадъ коней. Далѣе Курбскій говоритъ, что за черемисами послана была погоня, что въ трехъ или четырехъ миляхъ ихъ догнали, нѣкоторыхъ побили, нѣкоторыхъ въ полонъ взяли. Но много ли этихъ нѣкоторыхъ,—ни слова, а главное, ни слова, что изъ числа стадъ, которыя отгромили черемисы, отбить былъ хотя бы одинъ конь. Умолчаніе объ этомъ обстоятельстве — ловкій оборотъ даровитаго памфлетиста, каковымъ и должно понимать автора Исторіи князя великаго и проч. Главная потеря состояла въ стадахъ коней, а Курбскій толкуетъ о томъ, что догнали нѣкоторыхъ черемисъ, побили другихъ, въ полонъ взяли третьихъ, что даже болѣе чѣмъ не важно, просто ничтожно.

Вина печальнаго эпизода, когда русскимъ въ рѣшительный день штурма грозила опасность потерять всѣ плоды почти семинедѣльных усилій, также въ значительной степени падаетъ на Курбскаго. На стѣну взобрались воины Курбскаго; но они же едва и не погубили дѣла. Курбскій говоритъ: много насъ пошло ко штурму, а мало подъ стѣны градскія придоша: нѣкоторые возвратились, а множество полегло на пути, притворившись ранеными и мертвыми. Такой фактъ, какъ множество возвратившихся и притворившихся мертвыми, печально выдается въ военной исторіи даже XVI вѣка и мало дѣлаетъ чести прославленнымъ военачальническимъ способностямъ Курбскаго. Далѣе еще хуже: когда татаръ прижали къ стѣнѣ, тогда, разбазываетъ Курбскій, раненые исцѣлились, мертвые ожили, изъ стана приближали кашевары, сторожа, бросившіе стерегомыхъ коней, и даже купцы—и всѣ вкупѣ бросились грабить; когда же татары справились и въ свою очередь начали бить грабителей, послѣдніе бросились изъ города съ криками: сѣкутъ, сѣкутъ, производя всеобщую сумятицу.

Все это совершалось передъ глазами Курбскаго, въ его полкѣ (корпусѣ). Онъ ни слова не говоритъ, почему онъ не остановилъ грабежа въ самомъ началѣ, почему онъ не приказалъ суровыми мѣрами поднять мнимоумершихъ и мнимораненыхъ и не повелъ ихъ въ дѣло, чтобы поддержать честно сражавшихся воиновъ. Изъ дальнѣйшаго разказа видно, что у него подъ рукою были всадники, которые могли бы исполнить его распоряженія. Почему эти всадники не погнались назадъ кашеваровъ, сторожей конныхъ и купцовъ, которые, безъ сомнѣнія, безконечно усилили безурядицу? Распорядительные полко-

водцы и въ XVI вѣкѣ при штурмахъ оставляли въ запасѣ отряды, подгонявшіе трусовъ.

Вмѣсто обстоятельнаго объясненія дѣла, свидѣтелемъ котораго былъ, онъ разказываетъ, что происходило вокругъ Іоанна, гдѣ его, Курбскаго и не было, какъ замѣтилъ уже Арцыбышевъ (см. Повѣствованіе о Россіи, т. II, прим. 1277, стр. 206).

Курбскій говоритъ о событіи, при которомъ его не было, довольно подробно сравнительно съ краткостію повѣствованія о дѣлѣ, которое происходило передъ его глазами и въ которомъ онъ былъ дѣйствующимъ лицомъ. Сущность его разказа такова: дали тотчасъ знать царю и совѣтникамъ, бывшимъ около него, о случившемся, да и царь увидѣлъ бѣглецовъ, смутился и поблѣднѣлъ, считая все дѣло потеряннымъ. Совѣтники повелѣли хоругвь великую двинуть къ воротамъ и его хотяща и не хотяща, то-есть, противъ воли повели туда же, взявъ за бразды его коня; половинѣ царскаго полка повелѣли спѣшиться и идти къ бѣгущимъ на помощь ¹⁾.

На этомъ разказѣ Курбскаго составилось мнѣніе о трусости Іоанна, и потому онъ стоитъ вниманія и съ этой стороны, и со стороны оцѣнки достовѣрности извѣстій, сообщаемыхъ авторомъ Исторіи князя великаго Московскаго.

Курбскій самъ не былъ тутъ, но неужели онъ не узналъ, кто изъ синклитовъ распоряжался Іоанномъ, какъ малосмысленнымъ мальчикомъ, кто приказалъ, не спрося Іоанна, спѣшиться половинѣ его полка, вообще кто въ тотъ часъ былъ около царя. Кто далъ знать царю о томъ, что дѣлается въ Казани? Въ какомъ видѣ дано извѣстіе? У Курбскаго нѣтъ отвѣта на эти вопросы и не могъ онъ ихъ дать.

Насчетъ смѣлости распоряжаться Грознымъ, какъ не одушевленнымъ предметомъ, напомнимъ, кромѣ категорическаго его приказа передъ осадю, еще одинъ фактъ. За день до рѣшительнаго штурма войска Воротынскаго вслѣдъ за бѣгущими татарами ворвались было въ городъ; воеводы просили Іоанна начать общій штурмъ, Іоаннъ еди-

¹⁾ Вотъ подлинныя слова Курбскаго: „И даша... вѣдати цареви нашему и всемъ совѣтникомъ, окрестъ его въ тотъ часъ бывшимъ, яко и самому ему зришу ѣгство изъ града оныхъ предреченныхъ бѣгунотъ: и зѣло ему не токмо лице измѣнишесь, но и *сердце сокрушися*, уповая, иже все войско уже христіанское бусурманы изъ града изгнаша. Видѣвше же сичевое, мудрые и искусные синклитове его, повелѣвша хоруговъ великую христіанскую близу вратъ градскихъ, нареченнымъ царскихъ, подвинуты, и *самого царя, хотяща и не хотяща* за бразды коня взявъ, близъ хоругови поставиша и пр.“ (Сказанія Курбскаго, Исторія Князя Великаго Московскаго и пр., изд. 1868 г., стр. 28).

нымъ словомъ остановилъ преждевременную попытку. По поводу этой попытки, Іоаннъ въ отвѣтъ Курбскому пишетъ: „како, еже убо и въ самое взятіе града, аще бы не удержахъ васъ, како напрасно хотѣсте погубити православное воинство, не въ подобно время брань начати?“ (Сказаніи, стр. 173). И въ грабежахъ, вызвавшихъ разбираемый эпизодъ, Іоаннъ винилъ воеводъ—не только въ допущеніи ихъ, но и въ соучастіи: „Таже убо (также) по взятіи града Божиимъ милосердіемъ, вы же убо, вмѣсто строенія, на грабленіе текосте!“ (Тамъ же). Курбскій, не щадившій Іоанна въ своихъ посланіяхъ изъ Литвы, какъ и всегда, на улики фактами—ни слова! Онъ ли бы умолчалъ и въ Исторіи и въ посланіяхъ имена вождей, которые вели коня царева противъ воли всадника и всѣмъ распорядились? Онъ ли бы не напомнилъ Іоанну въ посланіяхъ о такомъ унижительномъ для Іоанна фактѣ?

Однихъ этихъ умолчаній было бы достаточно для доказательства абсолютной невѣрности разказа Курбскаго и въ этомъ событіи; но мы прибавимъ еще доказательство:

1) Въ самомъ разказѣ этого эпизода кроется противорѣчіе: царю дали знать, что дѣлается въ Казани, и, слѣдовательно, можно предположить, сообщили ему и то обстоятельство, что часть войскъ еще держится въ Казани; тогда—какъ могъ онъ думать, что все войско изъ Казани изгнано? 2) Какъ вожди и кто-либо изъ нихъ одинъ могли оставить свои войска и скакать къ Іоанну, чтобы имъ распоряжаться?

Въ заключеніе разбора этого эпизода я позволю себѣ привести собственные мои слова объ этомъ событіи изъ статьи „Казань“ въ „Энциклопедіи Военныхъ и Морскихъ Наукъ“ (Т. IV, вып. 1. 1888 г.). „Историки наши обыкновенно упираютъ только на слова хотяща и не хотяща. Но, во первыхъ, Курбскій въ своемъ памфлетѣ не могъ скрыть, что Іоаннъ поблѣднѣлъ и сердце его сокрушилось не отъ личной опасности, а отъ мысли, что все войско, вторгнувшееся въ Казань, было изгнано оттуда. О личной опасности уже потому не могло быть рѣчи, что возлѣ Іоанна находился царскій конный полкъ въ 20 т. человекъ, кромѣ дружинъ боарскихъ. Половина этого полка и двинута была на помощь утружденнымъ, какъ выражается Курбскій, воинамъ нашимъ. Двусмысленныя слова хотяща и не хотяща никакого вѣса не имѣютъ, ибо Курбскій, еслибы имѣлъ свидѣтелей слабодушія Іоанна, не усомнился бы назвать ихъ или сказать прямо, что Іоанна насильно повели за хоругвию. На самомъ же дѣлѣ, если сообразимъ всѣ обстоя-

тельства и особенно немедленную посылку половины царскаго полка къ Казани, выходитъ торжественная картина: царская хоругвь медленно двигается, за нею медленно, что не свидѣтельствуешь о трусости, ѣдетъ царь на конѣ, котораго подъ уздцы ведутъ воины. Эта торжественность и медленность должны были отрезвляющимъ образомъ подѣйствовать на бѣгущихъ“. Вестужевъ-Рюминъ, болѣе другихъ историковъ объективно относившійся къ Грозному, взявъ въ своей исторіи означенное мѣсто со словъ хотяща и не хотяща, прибавляетъ—на сколько можно вѣрить Курбскому?“ Казалось бы о довѣрїи не могло быть и рѣчи. И безъ того въ разказѣ Курбскаго нарочитая путаница, а братъ этотъ разказъ со словъ хотяща не хотяща значить затемнять для себя пониманіе дѣла.

Въ поясненіе еще добавимъ, что нарочитая медленность шествія, для придачія ей торжественности, видна изъ самаго разказа Курбскаго, именно изъ того обстоятельства, что царскаго коня вели бояре. Слѣшвенная же часть полка, конечно, быстро двинулась впередъ. Иоанна, конечно, сопровождала остальная часть полка, съ великою хоругвью. Было бы ребячествомъ воображать себѣ, что въ теченіе медленнаго движенія Иоаннъ все еще не опомнился и дозволилъ тащить себя боярамъ. Что касается до послыки половины царскаго полка на помощь, то по всему ходу казанской осады видно, что этотъ полкъ и сберегался, какъ резервъ. Для личной безопасности Иоанна не было нужды въ двадцати тысячахъ человекъ.

Эпизодъ съ шеститысячнымъ татарскимъ отрядомъ, который Курбскій хотѣлъ остановить съ двумястами воиновъ, разказанный имъ чрезвычайно велерѣчиво, сводится къ слѣдующему: этотъ татарскій отрядъ, бросаясь со стѣны къ берегу р. Казанки, встрѣченъ былъ пушечными выстрѣлами изъ лагеря полка (корпуса) Курбскаго и поверотилъ ввизъ по рѣкѣ; въ виду означеннаго лагеря татары разудились, раздѣлились, перешли рѣчку и густымъ строемъ пошли къ лѣсу. Курбскій съ 200-ми человекъ бросился въ свой лагерь и, посадивъ отрядъ свой на коней, пустился на перерѣзъ отступившимъ татарамъ, былъ раненъ, татаръ же, конечно, остановить не могъ.

Этотъ разказъ возбуждаетъ слѣдующіе вопросы:

1) Если артиллерія лагеря Курбскаго заставила 6 тысячъ татаръ поверотить къ устью р. Казанки, то ова, конечно, состояла не изъ одной пушки, и потому надобно думать, что значительная часть полка Курбскаго, во время приступа оставалась въ лагерѣ не только для прикрытія пушекъ, но и на стражѣ отъ внезапнаго нападенія чере-

мись. Почему же Курбскій не двинулся преслѣдовать татаръ со всѣми своими силами?

2) Нужно ли было подвергать двѣсти человекъ всадниковъ, безъ всякой надежды на успѣхъ, неминуемой гибели?

3) Невозможность съ 200-ми всадниками остановить шесть тысячъ татаръ, хладнокровно разувшихся и раздѣвшихся, слѣдовательно, на все готовыхъ людей, была ясна, и тутъ возникаетъ только вопросъ—нужно ли было торопиться и незначительный отрядъ сажать на коней или, если было нужно, то какое назначеніе этому отряду слѣдовало дать?

Изъ всего сказаннаго ясно, что если 200 всадниковъ были нужны, то единственно только для наблюденія за движеніемъ татаръ, а для прегражденія пути ихъ движенію слѣдовало имѣть большія силы и, если таковыя у Курбскаго были, что несомнѣнно, то съ ними и должно было двинуться преслѣдовать татаръ. Іоаннъ понялъ это и приказалъ князю Михаилу Глинскому и Ивану Шереметеву идти за Казанку, соединиться съ головами Воронимъ и Угрюмовымъ и разбить татаръ, что и было исполнено и что умолчано Курбскимъ. Въмѣсто того, чтобы яснѣе разказать эти событія, онъ разглагольствуетъ о братѣ своемъ. Собою и своимъ братомъ Курбскій занятъ болѣе, чѣмъ совершающимися передъ нимъ событіями. На все происходящее онъ смотритъ или съ точки зрѣнія интересовъ партіи, что для него извинительно и для послѣдующаго проницательнаго историка полезно, освѣщая воззрѣнія сторонниковъ Курбскаго, или смотритъ еще съ болѣе узкой точки зрѣнія—прославленія себя и своихъ родныхъ. Эта послѣдняя точка зрѣнія не извинительна даже для памфлетиста, компрометируя партію его.

Курбскій почти нигдѣ не говоритъ о своемъ товарищѣ князѣ Щенятевѣ, о которомъ, какъ о воинѣ, другіе источники отзываются съ похвалою. Разказывая, какъ съ 200-ми всадниковъ онъ три раза врубался въ ряды татаръ, Курбскій весь поглощенъ вопросомъ о поддержаніи своей репутаціи храбраго воина, репутаціи, которой и мы у него оспаривать не намѣрены, видя въ немъ храбраго офицера, но плохаго полководца. Вотъ его восклицанія по поводу этого подвига: „Молюся, да не возмнѣтъ (не сочтетъ) мя кто безумна, самъ себя хваляще! Правду, во-истину, глаголю, и дарованна духа храбрости, отъ Бога данна ми, не таю; къ тому и коня зѣло быстра и добра имѣхъ“.

Какъ это относится къ Исторіи князя великаго Московскаго, къ

исторіи, которую имѣютъ не то наивность, не то близорукость называть—первою прагматическою исторіею на Руси?

Въ этомъ эпизодѣ Курбскій, умалчивая о важной сторонѣ дѣла, забрасываетъ неопытнаго читателя разказами о своей партіи и чистую сказкою о подвигахъ брата. Этотъ братъ, по разказу Курбскаго, врубається въ ряды татаръ такъ храбро, иже вѣрѣ не подобно, онъ два раза проѣхалъ по рядамъ татаръ, кололъ и рубилъ ихъ направо и валѣво, такъ что со стѣны Казанской думали, что самъ царь казанскій ѣздитъ среди татаръ, при чемъ Курбскій забылъ, что, по его же разказу, казанскаго царя тѣ же татары, среди которыхъ ѣздилъ его братъ, на глазахъ всѣхъ, сдали уже русскимъ. У брата же Курбскаго, кромѣ иныхъ равъ, по пяти стрѣлъ торчало въ каждой ногѣ.... По пяти стрѣлъ въ ногѣ, въ рукопашномъ бою! Или братъ Курбскаго уже со стрѣлами въ ногахъ врубился въ ряды татаръ?

Таковъ-то герой-историкъ князь Андрей Михайловичъ Курбскій!

Нельзя также пропустить безъ вниманія характеристическую черту нашей исторіографіи. Устряловъ, издатель сказаній Курбскаго, вмѣсто того, чтобы указать на нелѣпость этихъ эпизодовъ, занимается изысканіемъ,—какъ звали брата Курбскаго.

Посвятивши послѣднія страницы второй главы Исторіи князя великаго Московскаго своему прославленію и прославленію своего брата, Курбскій заканчиваетъ ее такими словами: сіе конецъ краткаго писанія о казанскаго великаго града бусурманскаго взятію.

Что сіе? Подвиги сказочные его брата? Найдутся, пожалуй, историки, которые въ словахъ краткое писаніе захотятъ видѣть оправданіе тѣхъ пропусковъ, которые мы указывали; но краткость-то описанія требовала изложенія исключительно важныхъ обстоятельствъ, и не замѣну ихъ пустыми анекдотами и самовосхваленіями, соединенными съ умолчаніемъ о томъ, что было. У Курбскаго же, напротивъ, мы видимъ или тенденціозные пропуски или таковыя же искаженія.

Въ заключеніе разбора второй главы замѣтимъ еще:

1) Тонъ разказа Курбскаго не всегда соответствуетъ серьезности предмета. Такъ, говоря о голодовкѣ, которую пришлось испытать на походѣ къ Свияжску, авторъ восклицаетъ: „а мальвазіи и любимыхъ трунковъ з'марцышаны тамо не вспоминай“. Едва ли умѣстно было вспомянуть о мальвазіи и трункахъ, когда у войска зачастую оказывался недостатокъ въ хлѣбѣ. Не красиво выходитъ и щегольство иностранными, не нужными словами, которыя являются въ родѣ *captatio*

benevolentiae передъ литовскими читателями. Что это такъ, доказывается слѣдующей, напримѣръ, фразой: „мнѣ же тогда съ другимъ моимъ товарищемъ (поручень) правый рогъ, а по ихнему (то-есть, по-русски) правая рука“. Подобныя фразы могли сдѣлать Курбскаго смѣшнымъ даже въ глазахъ поляковъ, передъ которыми онъ какъ бы отрекался, и при томъ не ловко, отъ своей народности.

2) Въ разказъ свой Курбскій, любящъ включать красивые анекдоты, ради красоты повѣствованія, съ нарушеніемъ исторической правды. Таковъ разказъ о сдачѣ татарами царя ихъ Ядигара, возведеннаго ими на стѣну, рѣчи татаръ по сему случаю, произнесенныя такимъ тономъ, что можно принять за рѣчи древнихъ героевъ изъ біографій Плутарха. По сказанію болѣе вѣроятному (Соф. Временникъ, изд. 1821 г.), Ядигаръ взятъ былъ воинами князя Палецкаго, которые едва его не убили, не зная, кто онъ, и только въ минуту крайней опасности татары закричали, что это ихъ царь.

Вторая глава вся посвящена прославленію подвиговъ бояръ и въ доказательство, что все сдѣлано боярами, помимо Іоанна, послѣднему, въ началѣ третьей главы, приписываются такія слова, сказанныя будто бы боярамъ дня черезъ три послѣ взятія Казани: „Нынѣ, рече, боронилъ мя Богъ отъ васъ!“ По толкованію Курбскаго, этими словами Іоаннъ какъ бы хотѣлъ сказать: „Пока Казань стояла, я не могъ васъ мучить, ибо вы мнѣ были нужны, а теперь мнѣ свободно васъ мучить, какъ мнѣ угодно...“¹⁾

Такое толкованіе Курбскаго словъ, приписываемыхъ Іоанну, лучше всего и чрезвычайно ясно показываетъ цѣль мнимо исторической работы Курбскаго, не разъ уже нами указанную.

Объ отдѣльныхъ сужденіяхъ Курбскаго по разнымъ вопросамъ намъ уже приходилось говорить въ статьяхъ своихъ „Объ историческомъ значеніи русскаго боярства“ и еще придется говорить впереди.

Здѣсь укажемъ только, какъ замысловато расположенъ его памфлетъ. Въ пятой главѣ выводятся на сцену клеветники, — ибо нельзя безъ нихъ объяснить мнимую перемену въ Іоаннѣ, — но воспоминаніемъ о дѣлахъ дѣда и отца Іоаннова, Курбскій измѣняетъ себѣ, самъ этого не замѣчая, и вводитъ насъ въ самую сущность историческаго процесса, начавшагося будто бы съ Іоанна III, а въ дѣйствительности

¹⁾ Въ дѣйствительности важнѣйшими дѣятелями, кромѣ самого Іоанна, при взятіи Казани были: нѣмецкій розмысль и его ученикъ Петровъ и инженеръ-артиллеристъ дякъ Выродковъ.

гораздо ранѣе, какъ указываетъ и самъ Курбскій. Побіенія, мнимо или дѣйствительно совершенныя Иоанномъ, онъ располагаетъ, такъ-сказать, по чинамъ. Въ VI главѣ говоритъ о побіеніи княжескихъ родовъ, въ VII— о побіеніи боярскихъ и дворянскихъ родовъ. И въ той и другой главѣ не только преувеличиваетъ и безъ того ужасныя казни, но еще и явно лжетъ; такъ, въ главѣ VII говоритъ: Сабуровыхъ же другихъ, глаголемыхъ Долгихъ, и воистину великихъ въ мужествѣ и храбрости, и другихъ Сарыхозиныхъ, всѣ роды погубити повелѣлъ. Во первыхъ, родъ Сабуровыхъ очень многочисленъ и нынѣ, слѣдовательно, весь родъ ихъ и не былъ истребленъ; во вторыхъ, мы знаемъ, что Сабуровы были родственниками первой жены Грознаго, но ничего не знаемъ о нихъ, какъ о мужахъ великихъ въ мужествѣ и храбрости. Разказъ о казни Казаринова, который удалился было въ монастырь, гдѣ постригся, замѣчательнъ по мелодраматичности. Его представили Иоанну въ иноческомъ одѣяніи. „Звѣрь же словесный, то-есть, Иоаннъ, по разказу Курбскаго, возопилъ, аки сущій ругатель тайнамъ христіанскимъ: онъ ангелъ, подобаесть ему на небо возлетѣти,—и абіе бочку пороху, або двѣ, подъ единъ срубець повелѣлъ поставить, и, привязавши тамо мужа, взорвати“. На какомъ основаніи могутъ быть приняты подобные анекдоты, кто можетъ доказать, что въ этомъ анекдотѣ все отъ *a* до *z* не есть чистая выдумка?

Замѣчательно, какъ въ этихъ двухъ главахъ, такъ и въ VIII главѣ о страданіи священномучениковъ пересказываются дѣйствительныя или мнимыя мученія и нигдѣ не говорится о причинахъ, ихъ вызвавшихъ, о мотивахъ казней. Вездѣ указывается только злость Иоанна, клевета его прислужниковъ, другими словами, Курбскій не только не поясняетъ, но затемняетъ событія, и если у него лучъ свѣта прорывается, то, конечно, противъ его воли, какъ вышеупомянутое воспоминаіе о дѣдѣ и отцѣ Иоанна въ пятой главѣ. Вездѣ и всюду преувеличенія въ одну сторону.

Удивительно, что ненависть Курбскаго къ дому Калиты, особенно къ дѣду и отцу Иоанна, не обратила на себя вниманія Карамзина и не навела его на мысль о связи событій царствованія Грознаго съ предшествовавшими московскими событіями.

Вторая глава по своему построенію служитъ моделью для всей Исторіи князя великаго Московскаго: какъ въ означенной главѣ пропущены всѣ факты, характеризующіе личную дѣятельность Иоанна, силу и важность его инициативы, такъ и въ остальной исторіи совершенно пропущена законодательная и земская дѣятельность Иоанна,

его заботы о благѣ народной массы. Для Курбскаго, кромѣ бояръ, никого болѣе и на свѣтѣ не существовало.

Въ концѣ пятой главы Курбскій проситъ читателя не поставить ему въ вину, если онъ что-либо и забылъ. Не говоримъ уже о томъ, что нельзя приписать забвенію пропускъ такихъ фактовъ, какъ рѣчь Іоанна на Лобномъ мѣстѣ при первомъ собраніи выборныхъ, пропускъ изданія Судебника, созванія земскихъ соборовъ, усилія Іоанна избавить народъ отъ самоуправства воеводъ, усилія дать и поддержать самоуправленіе городовъ,—не говоримъ потому, что видимъ странную забывчивость на факты однородные, для сторонниковъ Курбскаго неприятные. Но, кромѣ того, и просьба его къ читателю не поставить ему въ вину, что забыто, касается опасенія, не пропустилъ-ли онъ когонибудь изъ казенныхъ, ибо онъ-де писалъ въ старости, удрученный враждою, бѣдами и напастями отъ ту (то-есть, туго, въ Литвѣ) живущихъ челоуѣковъ. Это доказывается предисловіемъ его къ такъ называемому Новому Маргариту, сборнику Златоустовыхъ словъ; на это предисловіе онъ и ссылается въ самомъ извиненіи своемъ.

Что же находимъ въ означенномъ предисловіи? Снова жалобы на ласкателей, жалобы на жестокость и жадность Іоанна, который „наши (то-есть, княжескія) малыя остатечныя отечества раззори и овья собѣ побралъ, овья варварамъ надавалъ“. За это, говоритъ Курбскій, Богъ попустилъ сожженіе Москвы ханомъ!

Характеръ страстнаго памфлетиста Курбскій сохранилъ до гроба. Какъ страстный протестъ боярской стороны, сочиненіе Курбскаго—драгоценный матеріалъ для историка, но какъ исторической матеріалъ, а тѣмъ болѣе, какъ исторія, его сочиненіе—сплошное вольное и невольное извращеніе фактовъ ¹⁾.

¹⁾ Шестая глава Истории князя великаго Московскаго представляетъ большую частью чистый поминальникъ: напримеръ, тою же ночью убили сына и мать князя Юрія Кашина, потомъ брата его Іоанна, потомъ сродника ихъ Шевырева и т. д. Князья Курятевы, участники всѣхъ заговоровъ, грабители казны, величаются имъ „мужіе воистину ангеламъ подобны“. Перечень казенныхъ принимаетъ особенно поминальный характеръ, когда дѣло доходитъ до одноколѣнныхъ Курбскому князятъ отъ племени св. Владиміра, именно до отраслей князей Ярославскихъ. Говоря о потомствѣ князей Суздальскихъ, всею Волгою владѣвшихъ, Курбскій поминаетъ какого-то князя Яна Тугой-Дукъ, подвиги котораго, еслибы записать, то, по выраженію Курбскаго, цѣлая бы книга о рыцарствѣ вышла. Но намъ онъ не извѣстенъ, имя его встрѣчается только мелькомъ въ родословныхъ.

Кто безпристрастно смотритъ на дѣло, тотъ уже съ первой главы Исторіи князя великаго Московскаго замѣтитъ извращенія и того, и другаго характера. Вольныя преднамѣренныя извращенія встрѣчаются уже въ первой главѣ. Таково описаніе боярскаго правленія, гдѣ злодѣй Андрей Шуйскій выставляется чуть не ангеломъ, невинно погибшимъ, гдѣ умолчано, что Бѣльскій былъ удавленецъ по повелѣнію Шуйскихъ; въ той же главѣ встрѣчаются искаженія фактовъ, которыя зависѣли отъ узкости взгляда и, слѣдовательно, могутъ быть причисленными хотя отчасти къ невольнымъ извращеніямъ фактовъ. Таковы его обвиненія женъ иностранокъ Софіи Палеологъ и Елены Глинской во всѣхъ невзгодахъ, постигшихъ боярство (Глава I). Онъ выразилъ взглядъ всего боярства на эти личности, какъ видно изъ дѣла боярина Беклемишева, не въ силахъ будучи понять, что не иноземныя жены, а весь ходъ русской жизни привелъ въ столкновеніе съ домомъ Калиты прочія отрасли дома святаго Владиміра, а за ними и все боярство. Исходя изъ сословной точки зрѣнія, злоба Курбскаго не знаетъ предѣловъ и онъ пускаетъ въ ходъ всѣ сплетни про этихъ женъ. Такъ, онъ говоритъ, что Василій, женись старымъ, прибѣгалъ къ чародѣйству, чтобы имѣть дѣтей (Исторія, 17). Все это говорится для того, чтобы запечатлѣть самое рожденіе Іоанна Грознаго какъ бы печатью участія въ ономъ нечистой силы, что могло имѣть значеніе для суетвѣрныхъ современниковъ Курбскаго. Замѣтимъ кстати, что Василій женился на Еленѣ Глинской не молодымъ, но и не такъ старымъ, чтобы прибѣгать къ чародѣйству для полученія потомства: ему было сорокъ восемь лѣтъ. Эго участіе чародѣйственныхъ, нечистыхъ силъ въ зарожденіи Іоанна, какъ бы мимоходомъ высказанное въ пятой главѣ Исторіи князя великаго Московскаго, нельзя не сопоставить съ словами Курбскаго, когда онъ, говоря о ненавистномъ ему и всѣмъ боярамъ бракѣ Василія на иноземкѣ и о разводѣ съ первой женой, восклицаетъ: „тогда зачался нынѣшній Іоаннъ нашъ, и родился въ законопреступленіи и во сладострастію лютости“. Можетъ быть, слова: „въ законопреступленіи и во сладострастію лютости“, громкія, но безсмысленныя, относились къ слуху тогда же, вѣроятно, пущенному, что связь Елены съ Телѣповымъ началась при жизни Василія и что Іоаннъ былъ плодомъ этой связи. Но слухи эти оказались тупымъ оружіемъ, которое никого не ранило.

Такъ-то прагматическій историкъ, какъ называютъ Курбскаго, объясняетъ современныя ему событія. Хорошій прагматизмъ! Весь

интересъ Курбскаго сосредоточень на княжескихъ остатечныхъ отечествахъ, то-есть, ихъ вотчинахъ, которыя были у нихъ взаты Іоанномъ III и его сыномъ и которыя они самовольно присвоили себѣ въ малолѣтство Грознаго, и на малѣйшей у него нѣтъ заботы, нѣтъ сужденій о государствѣ, о народѣ,—одна риторика, одно пустословіе, да восклицанія.

О другомъ источникѣ для исторіи царствованія Грознаго, о Синодикахъ, которые сопоставляютъ съ извѣстіями Курбскаго и стараются ими доказать достовѣрность послѣдняго, всего удобнѣе сказать вслѣдъ за разборомъ Курбскаго.

Устряловъ, впервые напечатавшій Синодики, говоритъ о нихъ слѣдующее: „Въ примѣчаніяхъ къ Исторіи Курбскаго, поясняя извѣстія его, я неоднократно ссылался на Синодикъ, или поминаніе по опальнымъ, присланное царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ, за годъ до кончины его, въ монастырь святаго Кирилла Бѣлозерскаго. Каждому изъ читателей Курбскаго, безъ сомнѣнія, любопытно видѣть эту рѣдкость вполне: удовлетворяю ихъ любопытству“.

Далѣе слѣдуетъ разказъ, какъ открыты эти Синодики сенаторомъ Бороздиннымъ вмѣстѣ съ Ермолаевымъ, которые въ 1809 году, по Высочайшему повелѣнію, путешествовали по Россіи для описанія ея древностей. Бороздинъ сообщилъ эти Синодики Устрялову, который, безъ всякаго колебанія, призналъ за несомнѣнный фактъ, что всѣ поименованныя въ нихъ лица были жертвами Іоаннова гнѣва. Въ годѣ присылки этихъ Синодиковъ въ монастырь, Устряловъ не твердъ, хотя на первыхъ строкахъ своего сообщенія и говоритъ, что присланы они Грознымъ за годъ до его смерти. Въ примѣчаніи, къ первой строкѣ старыхъ Синодиковъ, онъ замѣчаетъ уже не такъ опредѣленно: въ 1582 или въ 1583 году. Іоаннъ же умеръ 18-го марта 1584 года. Въ недавнее время открыта запись Вологодскаго Спасоприлуцкаго монастыря, подъ заглавіемъ „Тетрадь, а въ ней имена писаны опальныхъ при царѣ и великомъ князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ всея Россіи“. Эту тетрадь находятъ не только сходною, но даже тождественною съ Синодиками, изданными Устряловымъ.

Въ статьяхъ своихъ „Объ историческомъ значеніи русскаго боярства“ я высказалъ сомнѣніе въ достовѣрности Кирилловскихъ Синодиковъ. Спасоприлуцкая тетрадь не только не уменьшаетъ этого недоумѣнія, но еще усиливаетъ его и заставляетъ на основаніи другихъ памятниконъ, признать, какъ увидимъ ниже, и Спасоприлуцкую тетрадь и Синодики—подлогомъ.

У самого Устрялова, кромѣ вышеуказаннаго колебанія въ годѣ присылки Синодика въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь, первая страница предисловія въ Синодику вызываетъ недовѣріе къ этому памятнику. Устряловъ говорить:

1) Въ большой вкладной книгѣ Кириллова монастыря на 16 листѣ сказано: „Царь государь и великій князь Иванъ Васильевичъ пожаловалъ по опальныхъ людяхъ девятьсотъ рублей. Имена ихъ въ Синодикѣ писаны. Панихиды по нихъ поють и литургію служатъ соборомъ въ субботу сыропустную“.

„Сія книга,—сказано въ примѣчаніи,—писанная въ листъ, въ 1809 г. хранилась въ ризницѣ монастыря“.

2) Въ кормовыхъ книгахъ Кириллова монастыря отмѣчено: „Въ субботу сыропустную, по опальныхъ, избіенныхъ, потопленныхъ и созженныхъ, съ жены ихъ, съ чады и домочадцы А имена ихъ писаны въ Синодикѣ. Панихиды поють соборомъ. Даянія на нихъ Царя и Великаго князя Іоанна Васильевича въ двухъ дачахъ двѣ тысячи рублей“.

Въ примѣчаніи сказано: „Они хранятся въ Кирилловскомъ книгохранилищѣ“.

Невольно рождается вопросъ: отчего въ большой вкладной книгѣ сказано просто по опальныхъ людяхъ, а въ кормовыхъ книгахъ прибавлено: избіенныхъ, потопленныхъ и созженныхъ, да еще съ жены ихъ и чады и домочадцы?

Кромѣ того, тутъ возникаютъ слѣдующіе вопросы:

1) Если присланы поминанья, то кто превратилъ ихъ въ Синодики? Между простымъ поминаньемъ и синодиками—большая разница. Синодики это родъ историческаго документа съ обстоятельствами жизни поминаемыхъ. Но, конечно, синодики писались ясно, имена и фамиліи, званія и пр. писались въ нихъ въ строку, а не надписывались сверху, какъ въ Кирилловскомъ поминаніи.

2) Можно ли предполагать, что Іоаннъ самъ приказалъ сдѣлать эти надписи? По нашему убѣжденію, такое предположеніе немислимо, ибо зачѣмъ было Іоанну извѣщать потомство, какіе люди и какимъ образомъ имъ были казнены?

3) Если выписки сдѣланы изъ государевыхъ книгъ, какъ утверждаютъ, то почему же выписки не сдѣланы толковѣе и полнѣе?

4) Для простаго поминанья надписи сверху не затрудняли ли чтеніе самыхъ именъ при панихидѣ? Конечно, затрудняли. А при синодикахъ читалось все, и тогда затрудненіе увеличивалось.

Эти соображенія, какъ и подложныя грамоты отъ имени Іоанна, ходившія въ монастырѣ Кирилловскомъ, заставляютъ насъ отвергнуть Синодики, какъ историческій документъ. Рождается самъ собою вопросъ, почему Іоаннъ, зная вражду къ себѣ новгородскихъ монастырей, то-есть, монастырей, которые находились въ предѣлахъ прежней новгородской республики, монастырей, которые болѣе всего потерпѣли во время новгородскаго погрома,—ибо большая часть казенныхъ въ Новгородѣ принадлежала къ сословію духовенства, и особенно чернаго,—почему, зная все это и боярскія симпатіи Кирилловскаго монастыря, именно въ въ этотъ монастырь и послалъ свои вклады и поминанія? Почему вклады и поминанія не были посланы въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь, то-есть, въ монастырь антибоярскій, монастырь, который чтить память и дѣда, и бабки, и отца Іоанна?

Гдѣ же, какъ не въ этомъ монастырѣ, онъ могъ надѣяться найти усердныя за него молитвы, еслибы онъ дѣйствительно вздумалъ каяться въ казняхъ? Еще Арцыбышевъ, говоря о новгородскомъ погромѣ, въ 1898 примѣчаніи къ 2-му тому Повѣствованія о Россіи, приводитъ мнѣніе, что въ этомъ дѣлѣ нужно имѣть въ виду, что лѣтописцы были духовные и что въ Новгородѣ духовенство пострадало отъ него болѣе, чѣмъ другія сословія (Ссылка на *Sämmtliche Sammlung Russischer Geschichte*). Замѣчаніе Арцыбашева, хотя и высказано мимоходомъ, но глубоко вѣрно и даетъ основаніе относиться съ недоувѣріемъ къ извѣстіямъ объ Іоаннѣ, которыя шли изъ монастырей. Ненависть къ Іоанну въ предѣлахъ древней новгородской республики, куда входили и Вологодская епархія и Кирилловъ монастырь, уясняетъ намъ, почему опасные бояре искали спасенія подъ покровомъ Кириллова монастыря.

Кирилловъ монастырь въ XVI в. пользовался громаднымъ авторитетомъ, и потому для Іоанна было не безразлично, когда бояре, особенно сторонники князей Шуйскихъ, стодѣ популярныхъ въ Новгородской землѣ и столь опасныхъ по своему происхожденію отъ старшаго сына Александра Невскаго для государей дома Калиты, потомковъ младшаго сына Невскаго, избрали этотъ монастырь своимъ мѣстопребываніемъ. Въ немъ они могли найти твердый базисъ для борьбы съ Грознымъ. Возбужденіе умовъ въ ту пору было сильно. При обстоятельствахъ аналогичныхъ Петръ Великій запретилъ монахамъ писать въ кельяхъ и приказалъ, чтобы въ кельяхъ монахи не держали ни бумаги, ни чернилъ, ни перьевъ, и если кто изъ мо-

наховъ хотѣлъ что-нибудь писать, то это занятіе дозволялось только въ трапезной, на глазахъ у всѣхъ. Іоаннъ, по своему времени, не могъ этого сдѣлать, не возбуждая противъ себя еще большей и опаснѣйшей вражды. Онъ пошелъ другимъ путемъ, онъ сталъ требовать отъ Кириллова монастыря строгаго соблюденія устава его основателя.

Такой образъ дѣйствій вызванъ былъ слѣдующимъ обстоятельствомъ. Въ Кирилловъ монастырь удалился бояринъ Иванъ Васильевичъ Шереметевъ Большой, другъ и сторонникъ Шуйскихъ и родственникъ только что низверженнаго митрополита Филиппа, изъ рода бояръ Колычевыхъ. Шереметевъ постригся подъ именемъ Іоны. Инокъ Іона не хотѣлъ, однако, прерывать сношеній съ міромъ, устроивши себѣ въ монастырѣ не только удобное, но даже роскошное помѣщеніе съ истинно боярской обстановкой. Противъ этой-то игры монашескимъ клобукомъ и возсталъ Грозный, хорошо понимая, что игра ведется противъ него. Конечно, такой игры не допустилъ бы и самъ инокъ Іона, еслибы его сторонники одержали верхъ и залучили въ монастырь самого Іоанна.

Въ такомъ положеніи дѣлъ Іоаннъ, ставъ на твердую почву устава означеннаго монастыря, написалъ къ инокамъ посланіе, въ лицѣ игумена; въ посланіи, подъ смиреннымъ покровомъ грѣшника, высказалъ имъ полныя сарказма упреки за ихъ челоуѣкоугодничество. Напрасно въ этомъ посланіи видѣть со стороны писавшаго — живое сознаніе всѣхъ недостатковъ, пороковъ, порчи вѣка въ соединеніи съ безсиліемъ и непостоянствомъ собственной своей воли стать выше этихъ недостатковъ и пороковъ.

Посланіе подъ благочестивымъ покровомъ имѣетъ частный характеръ, относится только къ одному факту, къ положенію Шереметева въ монастырѣ; цѣль посланія — доказать монашествующей братіи ея лицемѣріе и, не говоря прямо, указать, что Іоаннъ видитъ политическую подкладку въ поведеніи братіи. Съ таковой коллективной силою, каковою былъ тогда монастырь Кирилло-Бѣлозерскій, Іоаннъ долженъ былъ поступить очень расчитанно; такъ онъ и поступилъ.

Іоаннъ какъ бы смиренно начинаетъ посланіе словами: не мнѣ, псу смердящему, пребывающему въ прелюбодѣйствѣ, въ сквернѣ, въ убійствѣ, грабленіи, въ ненависти, во всякомъ злодѣйствѣ, учить васъ; но вы, по грѣхамъ моимъ, сами принуждаете меня къ такому безумію или, какъ онъ выражается, — чего ради мала нѣкая отъ своего безумія изреку вамъ.

За смиреннымъ предисловіемъ послѣдовала грозная филиппика. Говоря объ устройствѣ удобствъ инока Іоны, Грозный спрашиваетъ: Еслибы мнѣ привелось у васъ постричься, то у васъ слѣдовало бы быть и всему царскому двору. Тогда и монастыря не будетъ. Зачѣмъ идти въ чернецы и говорить, что отрицаются отъ міра, когда міръ постоянно передъ глазами? Какъ Шереметеву назвать васъ братією, когда и десятый холопъ, живущій у него въ кельѣ, ѣсть лучше братій, ядущихъ въ трапезѣ? Да Шереметевъ уставъ добръ, а Кирилловъ уставъ не добръ.

Помянувъ, какъ иноки попускали боярамъ Воротынскому, Сицкому, Колычеву, дядѣ митрополита Филиппа, нарушать уставы, Грозный опять переходитъ къ Шереметеву, говоря, что у этого уже и кухня своя.

Іоаннъ рисуетъ жизнь Шереметева въ монастырѣ въ такихъ чертахъ: у васъ (инокѣ) Шереметевъ сидитъ въ кельѣ, что царь; а Хабаровъ къ нему приходитъ, да и иные чернцы, у него ѣдятъ, да пьютъ что въ міру; а Шереметевъ невѣсть со свадьбы, невѣсть съ родинь, разсылаетъ по кельямъ пастилы, коврижки и иные пряныя составныя овощи, а за монастыремъ дворъ, а на немъ всякіе годовые запасы; а вы ему молчите о такомъ великомъ, пагубномъ монастырскомъ безчиніи. А иніи глаголютъ, будто-бы и вино горячо потихоньку въ келью къ Шереметеву приносили...

Далѣе Грозный замѣчаетъ, что Шереметева никто „въ зашеекъ не билъ“, чтобы шелъ въ иноки. Въ этомъ смыслѣ Іоаннъ и говоритъ: „Вѣдь дати волю царю, ино и царю, дати слабость вельможѣ, ино и простому. Ино бо есть единому жити, ино въ общемъ житіи. А коли жестоко въ чернецахъ, ино бы жити въ боярѣхъ, да не стрищися“...

Въ другомъ мѣстѣ посланія Іоаннъ пишетъ: „Ино то ли путь спасенія, что въ чернцѣхъ бояринъ боярства не сстрижетъ, и холопъ холопства не избудетъ? Какой толкъ, если бояринъ (въ чернецахъ) по старому бояринъ, а холопъ по старому холопъ? Ннѣ то и слово—тотъ великъ, а тотъ того большій, ино и братства нѣтъ: вѣдь коли равно, ино то и братство, а коли не равно, которому братству быти?“

Іоаннъ съ страшной для инокѣ ироніей спрашиваетъ: Какъ вы поступите на страшномъ судѣ, когда рыбаки и поселяне (апостолы) станутъ судить царей, вы кого поставите выше—Шереметева, который постригся изъ боярства, или Кирилла, который и въ приказѣ

у государя не служилъ?... Уставьте съ Шереметевымъ свои преданія, отложите чудотворцевъ и будетъ хорошо, а мнѣ все равно“... Не идеалы, какъ думаютъ, были у Іоанна передъ глазами, а монастырскіе уставы, которыми онъ и припиралъ врага къ стѣнѣ, натура же Іоанна была не изъ такихъ, которыя проповѣдуютъ о непротивленіи злу...

Изъ монастырей выходили не только злые слухи объ Іоаннѣ, но тамъ появлялись и фальшивыя грамоты, какъ видно изъ того же посланія Іоанна, который совѣтуетъ монахамъ злокозненную грамоту, присланную къ нимъ яко бы отъ него Собакиными, родственниками его жены, сличить съ настоящимъ посланіемъ, рассмотретьъ разницу въ слогѣ и не вѣрять бессмыслицамъ. И вотъ въ этотъ монастырь, гдѣ находили пріютъ враги Грознаго, монастырь, оппозиціонный его дѣду и отцу, изъ государственной канцеляріи шлютъ—Синодики!

Такою же бессмыслицей являются и Синодики съ надписями на верху именъ и съ различіями въ заглавіи экземпляровъ одного и того же документа, изъ которыхъ одинъ хранился въ ризницѣ, другой, съ добавлениемъ, въ монастырскомъ книгохранилищѣ, гдѣ удобнѣе было дѣлать добавленія.

Оставляя вопросъ, когда и кѣмъ сочинены эти документы, или кѣмъ сдѣланы добавленія, о чемъ легко высказывать догадки, но опредѣленнаго указація дать нельзя. Мы считаемъ нужнымъ повторить, что не думаемъ отвергать казней Іоанна; дѣло не въ отрицаніи казней, а въ томъ, что какъ у Курбскаго, такъ и въ Синодикахъ, при подозрительномъ сходствѣ, есть одна черта, вредящая пониманію исторіи эпохи, — это отсутствіе мотивовъ казней, мотивовъ, умышленно скрытыхъ. Будь высказаны эти мотивы, съ оужденіемъ или оправданіемъ ихъ, это все равно,—историку былъ бы данъ матеріалъ солидный для обсужденія дѣла.

Но мы, вмѣсто мотивовъ, у Курбскаго находимъ одни восклицанія, а въ Синодикахъ упоминанія, кто какъ погибъ.

И въ томъ и въ другомъ источникѣ неопредѣленность поразительная и, какъ мы старались показать, не случайная.

Въ заключеніе этой статьи припомнимъ взглядъ Іоанна на чернецовъ, на который мы указывали уже въ очеркѣ „Объ историческомъ значеніи русскаго боярства“: „Напрасно чернецовъ уподобляютъ ангеламъ, тутъ не можетъ быть ни сравненія, ни подобія; имъ слѣдуетъ подражать апостоламъ, которыхъ Богъ послалъ учить и крестить. Вашъ долгъ учить, учить не только читать, но и читаемое понимать. Богъ не спроситъ, какъ много молились, какъ много по-

стились, хотя и это благо, а спросить, много ли бѣднымъ помогали, многихъ ли научили?“.

Такія требованія могли ли нравиться монахамъ XVI вѣка, которые бражничали съ боярами? Слова Іоанна: „напрасно чернецовъ уподоблять ангеламъ“ — не объясняютъ ли намъ разказъ о взрывѣ пороховъ инока Казарина? Припомните, что Курбскій, повѣствуя объ этомъ взрывѣ, обвиняетъ Іоанна ни много, ни мало, въ ругательствѣхъ надъ христіанскими тайнами: „яко сущій ругатель тайнамъ христіанскимъ“. Фактъ этотъ, или, вѣрнѣе пустая выдумка даетъ Курбскому поводъ излить всю свою злобу противъ Іоанна. Какъ истый риторъ XVI вѣка, онъ восклицаетъ, что Іоаннъ, въ данномъ случаѣ, дѣйствовалъ въ согласіи съ своимъ отцомъ сатаномъ.

Итакъ, ни отъ бояръ, ни отъ монаховъ-лѣтописцевъ мы не можемъ ждать правдивыхъ извѣстій о времени Грознаго; всѣ подобныя источники требуютъ строгой провѣрки.

Требованіе Іоанна отъ монаховъ жизненной дѣятельности на пользу ближнихъ и для просвѣщенія народа и отвѣтъ Іоанна Курбскому, кичившемуся родословіемъ, показываютъ, какъ рѣзко взгляды Іоанна отдѣлялись отъ взглядовъ двухъ могущественныхъ тогда сословій—боярства и монашества. По поводу гордости своими родословными, Іоаннъ отвѣчаетъ Курбскому словами священнаго писанія: „Понеже аще бы чада Авраамля бысте были, дѣла Авраамля бысте творили: можетъ бо Богъ и отъ каменія воздвигнути чада Аврааму“. Смыслъ ясенъ: не родословныя важны, а дѣла. Къ словамъ писанія Грозный прибавляетъ: „суемудрыми мыслями никто крѣпко не будетъ стоять на ногахъ, а только собственною силою укрѣпившись, станеть неподвижно“.

Все это говорилось въ вѣкъ родословной гордости, родословныхъ счетовъ, когда вышнимъ мѣриломъ для оцѣнки человека считалась его родословная, когда мѣстничество проявлялось не только въ служебныхъ вопросахъ, но когда княжата отъ племени св. Владиміра спорили еще между собою, кто происходитъ отъ удѣльнаго, кто отъ великаго князя. Въ такую пору столкновенія стараго съ новымъ, при возбужденіи страстей, вольныя и невольныя искаженія фактовъ, подлоги даже — неизбѣжныя явленія. Вотъ что говоритъ памятникъ XVI вѣка о характерѣ литературной дѣятельности монаховъ, его современниковъ: „А сего царіе не вѣдаютъ и не внимаютъ, что мнози книжницы во иноцѣхъ по дьявольскому наносному умышленію, изъ святыхъ божественныхъ книгъ и изъ преподобныхъ житія выписи-

вають и выкрадываютъ изъ книгъ подлинное, преподобныхъ и святыхъ отецъ писаніе и на то же мѣсто, въ тѣ же книги приписываютъ лучшая и полезная себѣ, носятъ на соборы во свидѣтельство будтося подлинное святыхъ отецъ писаніе“ (Бесѣда преподобныхъ Сергія и Германа, Валаамскихъ чудотворцевъ. Апокрифическій памятникъ XVI вѣка. Изданіе Дружинина и Дьяконова. 1890 г. С.-Пб. ¹⁾).

Если монахи XVI-го вѣка выкрадывали мѣста изъ писаній святыхъ отецъ и замѣняли своими измышленіями, то что же такіе писатели продѣлывали съ гражданскими актами? Какіхъ синодиковъ не сочинили бы такіе лжесловесники? Словечко „лжесловесники“ сочинено Курбскимъ, но къ ихъ числу онъ и самъ принадлежитъ.

Евгеній Бѣловъ.

¹⁾ Въ предисловіи къ Бесѣдѣ почтенные издатели, разбирая мнѣнія объ этомъ памятникѣ, между прочимъ говорятъ, что я, въ моихъ статьяхъ объ историческомъ значеніи русскаго боярства, принялъ этотъ памятникъ за два. Это не совсѣмъ вѣрно,—не за два памятника я принялъ, а за два источника, то есть, за памятникъ изъ двухъ источниковъ. За первый источникъ я принялъ разсужденіе князя-инока Вассіана, за второй источникъ—Ино сказаніе. При этомъ мнѣніи я и теперь остаюсь за исключеніемъ принадлежности памятника Вассіану. Очень можетъ быть, что первая часть памятника, ратующая противъ допущенія иноковъ въ царскіе совѣты и за то, чтобы цари совѣтовались съ князьями, боярами и съ прочими мірянами, а не съ иноками, которыхъ авторъ первой части памятника называетъ людьми погребенными, мертвецами,—можетъ быть, она принадлежитъ и какому либо стороннику Іоанна, ибо Іоаннъ не отвергалъ совѣщаній съ князьями, боярами, а тѣмъ болѣе съ прочими мірянами, а боролся только противъ притязаній боярства на исключительное право ихъ быть совѣтниками цари и противъ ихъ корыстныхъ побужденій. Что же касается до недопущенія иноковъ въ царскіе совѣты, то Іоаннъ не только иноковъ, но и вообще духовенство не допускалъ въ свои совѣты послѣ удаленія Сильвестра. Известны его слова въ посланіи къ Курбскому: нигдѣ же бо обрящещи, иже не разоритися царству, еже отъ поповъ владому.—Что же касается до „Ино Сказаніе“, то, безъ сомнѣнія, справедливо мнѣніе проф. Ключевского, что это прибавка, авторъ которой старается и монаховъ ввести въ думу. Для меня собственно важно то, что Бесѣда—памятникъ XVI вѣка, а что касается до моего мнѣнія, что первая часть памятника, первый источникъ,—замаскированный памфлетъ, написанный, вѣроятно же всего, тогда, когда Грозный коснулся ииуществъ монастырей, то высказываю это мнѣніе въ видѣ догадки.